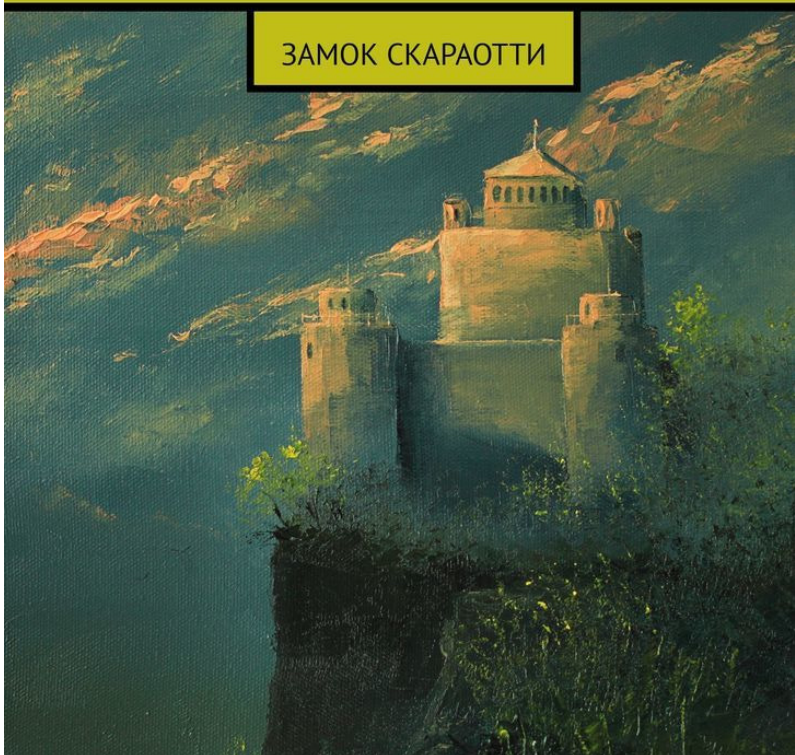

18+

ВАЛЕРИЙ И ЕВГЕНИЙ СЕРГЕЕВЫ

Ткань реальности

ЗАМОК СКАРАОТТИ

Евгений Сергеев
Валерий Сергеев
Ткань реальности.
Замок Скараотти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51386892

ISBN 9785449834416

Аннотация

Уважаемый читатель, эта книга не расскажет тебе о внеземных цивилизациях, хотя является фантастикой. Она не откроет никаких исторических фактов, хотя в ней очень много истории. Не даст научных познаний, хотя с науки всё и начинается. Эта книга ни о чем, и в тоже время, обо всём понемногу. О мирах параллельных, невидимых, неосязаемых... И, конечно, немного о любви.

Ткань реальности Замок Скараотти

Валерий Сергеев
Евгений Сергеев

© Валерий Сергеев, 2024

© Евгений Сергеев, 2024

ISBN 978-5-4498-3441-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Господи! Дай возможность ещё отдохнуть немного. И кому это в голову пришла мысль будить человека среди ночи? Толкают в спину, в бок. Ну вот, за ноги схватили! Ничего, разберусь с шутниками. Сделаю вид, будто не слышу и не чувствую, ... Может, отстанут? Вчера был тяжёлый день. Устал. На работе что-то случилось. Какая-то неприятность. Нет, надо отдохнуть. Ещё посплю немного. Кажется, отстали. Не тревожат больше. Спать. Спать. Спать.

Опять будят. Ну, зачем же так сильно? Сам проснись, а сейчас чувствую себя уставшим и больным. Подождите немного, высплюсь и встану, нечего на меня кричать.

А что они кричат? Давай-давай! Вставай-вставай! Ну, это уже слишком. Куда потащили? Что это? Верёвка? На шею верёвку накинули и начинают душить? Надо сопротивляться, не сдаваться! Почему темно, холодно, мокро? Что ещё? Кажется, меня хотят утопить. Бросают в воду. Работаю руками и ногами. Не сдаюсь, не теряю самообладания. Запутался в верёвке. Кто-то помог освободиться. Теперь вверх. Не хватает воздуха. Чувствую, что задыхаюсь. Головой ударюсь обо что-то твёрдое. Лёд. Кругом лёд. Холода не чувствую. Река, меня бросили в реку. Вижу свет. Яркое пятно. Скорее. Лёд тонкий. Ломается под руками и голова оказывается на поверхности. Яркий свет ослепляет. Хватаю воздух большими глотками и слышу собственный голос. Кричу. Что кричу? Кричу: Помогите! Спасите! Чьи-то руки подхватывают и вытаскивают из воды. Теряю сознание.

Доктор принимает роды, сестра-акушерка деловито обрезают орущему новорожденному ребёнку пуповину.

– Дорогуша, у нас мальчик. Поздравляю!

Очнулся ночью. Пошевелил руками, ногами. Чувствую, шевелятся, но что-то мешает. Опять верёвки? Связан? Да. Руки вдоль тела. Нет, не верёвки, рубашка смирительная. Где я? В психиатрической больнице? Лекарствами пахнет, кровью, мочой и ещё чем-то, хорошим, приятным. Аромат тонкий, еле уловимый, отличается от всего остального. Стараюсь успокоиться и всё обдумать. Над головой прозрачная

полусфера. Синеватый лунный свет проблесками разбегается по её поверхности. Стараюсь вспомнить, что случилось в последнее время. Воспоминаний много, но все отрывочные, не складываются в общую картину. Взрыв, пожар, паника, темнота. Белый яркий свет, опять темнота, опять свет. Сколько это продолжается? Какой сегодня день? Связывать перестали. Могу свободно двигать руками и ногами. Пытаюсь встать, но пока не получается.

– Здорово меня зацепило, – буркнул сам себе, но совершенно себя не понял, сплошное «Агу-агу» получилось. По-прежнему плохо вижу. Близорукость, а очков не дают. Всё смутно, расплывчато. Ночью вижу лучше. В голове целая куча вопросов и ни одного ответа. Куда-то несут, везут, кормят из трубочки с мундштуком. Питательная жидкость вытекает медленно. Приходится высасывать из большого баллона и выдавливать руками. Очень утомительно. После каждого принятия пищи засыпаю, и надолго. Успокаивает приятный аромат, который, то появляется, то исчезает. Меняется, варьируется, появляются новые компоненты. Наверно цветы жена приносит. Голос слышу. Мягкий, ласковый, успокаивающий, убаюкивающий. Что-то говорит, наверно рассказывает, как день провела, куда ходила, что делала. Наверно, слов разобрать не могу. Как же её зовут?

Постепенно сознание проясняется, воспоминания складываются в единую картину, приобретают смысл. Очень чётко вспомнил бабушку Изольду и деда Якова. Она немка с По-

волжья. Её родителей перед какой-то войной в Сибирь выслали, где она и познакомилась с дедушкой. Резковата в движениях и голосе. Целый день тараторила со мной только по-немецки. А дед Яков, каждый вечер, после работы, втолковывал свой родной Иврит. Отец математик, преподавал в Университете. Мать украинка, добрая и ласковая. Хорошо пела. Даже по телевизору показывали. А вот самого близкого и дорогого мне человека, свою жену, не могу вспомнить. Всплывает некий, безликий образ с ласковыми руками. Ничего ещё немного и вспомню. Бабушка – Сибирь. Конечно! Новосибирск! Город, в котором живу, или жил. Школа, 1 класс, цветы. Много цветов. Французская школа, элитная. Воспоминания приходят и уходят, наплывают и растворяются в призрачной дымке. Что же случилось? Болен?

Надо выздоравливать. Надо тренировать своё тело. Накачивать мышцы. Работаю ногами, руками. Переворачиваюсь на живот. Отжимаюсь. Три раза, четыре. Стараюсь с каждым разом увеличивать нагрузки. Чувствую, что кто-то наблюдает за мной и что мои занятия кому-то очень не нравятся. На руки надевают варежки-мешочки и завязывают так, что не могу руками ничего взять. Ноги связывают эластичной лентой, лишая подвижности. Очень чётко слышу человеческую речь, но язык не понятен. Попробовал спросить: *«Где я? Что со мной?»* Язык плохо подчинялся. Наверно результат травмы. Да с таким произношением меня могут и не понять. Вообще-то иностранные языки мне хорошо давались.

В доме разговаривали на такой тарабарщине, что стороннему слушателю не понять. Чувствую присутствие людей, пытаюсь заговорить. Задаю вопросы, по-русски, по-английски, по-французски, по-немецки, по-украински, на иврите и даже по-латыни. В ответ, на все мои старания слышу громкий, раскатистый смех. Плакал от обиды и беспомощности. В такие моменты меня зачем-то поднимали в воздух и бросали из стороны в сторону. Ужасное состояние. Всё переворачивалось внутри, подступал комок к горлу, тошнило. Надо взять себя в руки и не плакать. Научиться сдерживать эмоции. Днём спокойно лежал, подольше спал, думал, вспоминал. Физкультурой заниматься только по ночам. Казалось, в реанимации нахожусь, но не лечат. Может, им донор требуется, на органы? И готовят меня к операции? Пичкают растворами всякими, чтобы не шевелился и не поранился? Возможно и то и другое. Вскоре понял, нахожусь в просторной клетке. Прутья металлические, в человеческий рост, закручены круглыми, как мяч, гайками. Через такую ограду не перелезть. Вот бы прут вытащить и попытаться сбежать! Слаб ещё и зрение подводит. Не вижу похитителей своих. По приметам разным, они огромны. Невольно мысль приходит об их внеземном происхождении. Может инопланетяне похитили. Сначала изучат, а потом съедят. Никто не знает, что у них на уме? Наступает ночь и всё затихает. Исследую то, до чего могу дотянуться или доползти. Учусь вставать и ходить. Ноги немного окрепли, не заплетаются. В руках

уверенность появилась и чёткость движений. Всё явно шло на поправку. Только зрение подводило, восстанавливалось медленно. Хорошо бы очки найти. Однажды, изучая клетку, наткнулся на плохо закрученную гайку, шаталась и была не достаточно плотно привёрнута. Постепенно раскачивая, удалось открутить на пол оборота. В следующую ночь ещё на оборот. Появилась надежда на освобождение. Хотелось добыть достоверную информацию о своём положении. Главное, где нахожусь, и что со мной хотят сделать. Почему язык, на котором говорят знаком, но не понятен. Пока притворяюсь больным и немощным, ничего не сделают, а со здоровым? Опасно демонстрировать свои успехи и достижения. Нужна информация. Днём лежал, думал, вспоминал и погружался в размышления. Вспомнилась учёба в Физмат школе. Писали курсовую, по аэродинамике, в которой не правильно вывел алгоритм статического давления воздуха на крыло, за это получил тройку, обидно. Учёба в Университете, первые работы по баллистике, первое выступление на Учёном совете с теоретическим обоснованием распада микрочастиц при соединении со сверхлёгкими изотопами. Мои работы печатались в типографии Академии Наук. Вспоминал Новосибирский Академгородок. В нём жил и учился. Опять в голове всё перепуталось. На четвёртую или пятую ночь открутил гайку, скрепляющую один из прутьев клетки. Она круглая и тяжёлая. Осторожно положил на мягкий пол и принялся отодвигать металлический прут. К моей радости он

легко отошёл в сторону, образовав щель, в которую свободно могло пройти моё тело. Теперь определим высоту, на которой установлена моя тюрьма. Вложил гайку в узел уголка простыни, противоположный угол завязал узлом за соседний прут и опустил на землю. Что бы легче потом было подниматься. Гайка с лёгким стуком коснулась земли и простынь натянулась как струна. Если считать свой рост метр восемьдесят, то до земли было около трёх с половиной метра. Не знаю, сколько времени ушло на приготовления, но очень устал. Разумнее было бы отложить путешествие до следующей ночи, но любопытство взяло верх над осторожностью и начал спуск. Спустившись примерно на метр, обнаружил ступеньку, точнее перекладину из такого же металла, что и решётка. Можно сесть передохнуть. Сердце отчаянно колотилось в груди. К горлу подкатил комок страха. Отступить поздно, над головой небо посветлело, а внизу чёрная мгла. Переборов страх продолжил спуск, крепко цепляюсь за простынь. Эх, надо было узлов навязать, чтобы руки не скользили. Наконец ноги коснулись чего-то твёрдого. Присев на корточки, не отпуская импровизированную верёвку, потрогал землю рукой. Всё доступное пространство вокруг было покрыто каким-то ровным пластиком. На небе появились первые лучики розового рассвета. Пора назад. Надо спешить, пока не вернулись тюремщики. Восхождение оказалось значительно легче спуска. Выпрямившись во весь рост, дотянулся до перекладины. Мышцы достаточно окреп-

ли и без труда подтянувшись, уселся на перекладину, встав на неё ногами, свободно проник на свою площадку. Затащил простынь, отвязал гайку, поставил на место отведённый в сторону прут и завернул гайку наполовину. И как раз вовремя. Моя голова коснулась подушки, и в этот момент раздался скрежет, предупреждающий о том, что рядом с клеткой возникает страж. Образ существа очень походил на человеческий, только раз в десять крупнее. Теперь, зная расстояние до земли, мог довольно точно определить его размеры. Существа, которые приходили и разглядывали меня, были от 6 до 8 метров в высоту. Из-за плохого зрения не мог рассмотреть их в деталях, охватить полностью, как единый образ. Когда такое существо наклонялось ко мне достаточно близко, очень чётко вырисовывались зубы, которые оголялись в страшной улыбке смерти. Моя спина всегда покрывалась потом. Ко мне протягивались щупальца рук и тыкали, то в бок, то в щёку, а иногда голова наклонялась так близко, что смрадное дыхание изо рта обволакивало всего, заставляя задыхаться. Влажный язык касался моей кожи. Они явно пробовали меня на вкус. Наверно ждали, когда созрею. Нервы не выдерживали, и начинал кричать от ужаса. Тогда опять поднимали в воздух и бросали из стоны в сторону, пока тошнота не перекрывала горло, и не перехватывало дыхание. Крик прекращался и меня, в полуобморочном состоянии, возвращали в клетку. Лёжа на спине, ещё долго не мог избавиться от икоты. Среди всех этих существ было одно,

которому инстинктивно доверял и не боялся. Его щупальца ласковые, голос нежный, пение протяжное, как у мамы. Кормила питательным раствором. Вкусно конечно, но хотелось жареного бифштекса и кружечку баварского пива.

Несколько ночей подряд спускался из своей клетки, на ощупь, изучал окружающее пространство. Объёмная картина никак не складывалась. Не с чем сравнить. То, что ощущал руками, было несоизмеримо со всем моим жизненным опытом. Единственный вывод, который напрашивался, это громадная пещера с отвесными стенами и искусственным освещением. Ночные походы прекратил до лучших времён. Однообразные дни пролетали один за другим. Существа, заходившие ко мне в пещеру, уже не казались страшными и безобразными. Стал различать знакомые интонации, отдельные слова и даже понимать их смысл. Те, кто окружал меня, были люди, только очень большие. Вспомнил сказку о Гулливере, побывавшего и в стране великанов и в стране лилипутов. Однажды проснувшись, лежал и смотрел вверх. Первый лучик восходящего солнца проник через отверстие в стене и осветил свод пещеры. Если это пещера, то она должна иметь свод. Меня заинтересовали какие-то узоры, там наверху. Чем сильнее напрягал зрение, тем отчётливее они становились, а, став чёткими и освещёнными, сложились в мозаичную картину, до боли знакомую. Женщина с младенцем на руках, в окружении ангелов паривших в небе с луками и стрелами. Перевёл взгляд на стены, они тоже расписа-

ны библейскими сюжетами. На противоположной стене нарисован седой благообразный старик, опирающийся на посох с ягнёнком у ног, справа человек, распятый на кресте с терновым венцом на голове. Как будто кто-то навёл резкость в глазах. Всё стало ясно, понятно, красочно. Различил сотни оттенков настенной живописи. Свершилось. Вместе с прозрением открылась какая-то дверца в памяти. Вспомнил! Меня зовут Пётр, в школе Петя. Работал в институте, где звали Пётр Леонидович. Какой институт? Чем занимался? Это ещё предстояло вспомнить и осмыслить. Чем дольше вглядывался в окружающий мир, тем сильнее он менялся в моих глазах. Менялось и восприятие. Это не пещера, это комната и не очень большая. Клетка, казавшаяся такой громадной, стала маленькой. Пока никого нет, надо встать и внимательно осмотреться. Поднялся легко. То, что воспринимал как клетку, оказалось детской кроваткой, верхняя планка которой едва доставала до груди. За каких-то несколько дней, всё уменьшилось, а может, это я вырос? Пришло осознание того, что я сам стал ребёнком. Для этого должно быть какое-то объяснение. Послышались шаги. Надо лечь. Дверь открылась с лёгким скрипом. Когда-то этот звук казался зловещим скрежетом. Говорили двое.

– Мэм, приехал доктор.

– Проводи его сюда, Катарина. – ответил нежный голос, который принадлежал женщине, по всей видимости, считавшей меня своим сыном.

– Сию минуту, Мэм. – ответила Катарина.

Из-за закрытой двери слышались приближающиеся уверенные шаги мужчины и семенящие тихие, видимо, принадлежащие Катарине.

Наверное, Катарина – это служанка.

Дверь открылась, и в комнату вошел полноватый, среднего роста и средних лет, слегка лысоватый мужчина.

– Здравствуйте, доктор Лурье. Спасибо, что так быстро отозвались на мою просьбу.

Доктор Лурье, поставил свой саквояж на стул возле стола.

– Здравствуйте, синьора Мариани. Что случилось? Мне помощница передала, что голос у вас был взволнованный.

– Да, доктор, я весьма озабочена. Мне кажется у моего сына Пьеро проблемы.

– Сейчас посмотрим, где можно вымыть руки?

Тут же появилась Катарина с тазиком полотенцем и кувшином.

– С ним точно, что-то не так – продолжила Мариани, – Он быстро набирает вес, мало двигается, подолгу лежит, уставившись в потолок. Может у него дефект со слухом? Он не реагирует, когда я к нему обращаюсь, не реагирует на погремешки.

«Не знаю никакого Пьеро, и вообще, это меня не касается. Чего ради они затеяли этот разговор при мне?» – подумал я.

– Ну, не волнуйтесь, дорогая синьора Мариани, всё проверим.

Слух резануло не то, что сказал доктор, а как сказал! Я совершенно непроизвольно дёрнулся и уставился на доктора. Слова были произнесены на чистом французском языке.

– Ну, вот сеньора! А говорите, не реагирует ни на что. Уже по-итальянски произнёс доктор. Вон как глазищами рыскает.

Доктор поводил перед носом молоточком. Достал стетоскоп, послушал.

– Дышите. Не дышите.

Наверно по привычке, по-французски. Я дышал, не дышал, дышал, не дышал.

– Ну-с, молодой человек давай послушаем спинку – продолжал доктор.

Повернулся и лёг на живот.

– Дышите. Не дышите. Хорошо, дышите. Прекрасны у нас дела, юный Пьеро.

Что это значит? Это я – юный Пьеро? Вот так новость.

Доктор встал и отошел к столу. Разложил свои журналы, достал справочник и начал что-то писать в одном из своих журналов. Я взялся играть с кубиками, нехотя, ставя их, друг на друга в небольшую пирамидку, разрушая её и вновь собирая, попутно обдумывая коллизию своих имен. Вот интересно, это случайно? Меня отвлек от размышлений голос доктора. Он обращался к маме, не отрываясь от письма.

– Синьора! Все Ваши страхи совершенно не обоснованы. Ваш ребёнок прекрасно себя чувствует и абсолютно здоров.

Действительно крупный ребёнок. Не держите его в кроватке, дайте возможность ползать, учите ходить.

На этих словах я неуверенно поднялся и подошел пуфу, на котором сидела синьора Мариани, а доктор продолжал...

– Займитесь обучением, ещё не поздно, уделите ребенку больше внимания. Уверяю Вас, он будет прекрасно играть со всеми вашими игрушками. Ни в коем случае не связывайте ножки и ручки, иначе он никогда не научится ходить.

– Доктор! Взгляните! – вдруг восторженно удивлённо сказала синьора Мариани.

Доктор отрывался от письма и поднял глаза сначала на синьору Мариани, а затем на меня. Он внимательно, и с некоторым удивлением рассматривал меня, мне хотелось о многом расспросить этого милого старичка. И уже было открыл рот, чтобы задать вопрос, но тут сказал сам доктор.

– Синьора, это конечно не нормально, но некоторые дети начинают ходить в семь и даже в шесть месяцев. Такое встречается...

– Доктор, но Пьеро всего три месяца.

– Не может этого быть.

Доктор посмотрел в свои бумаги, нашел дату моего рождения, загнул по очереди три пальца, нашептывая названия месяцев, и повторил:

– Этого определённо не может быть.

При этом у доктора слегка округлились глаза. Он начал суетливо собирать свои журналы в портфель, бормоча по-

французски.

– Синьора, Не волнуйтесь... всё хорошо... всё будет хорошо... всё в полном порядке.... У вас замечательный... удивительный... Раннее развитие, бывает. Да, ... пусть ходит, гуляет, не ограничивайте его в действиях. Больше с ним разговаривайте. А мне надо проконсультироваться с коллегами. Я скоро к вам загляну. Очень интересный случай... Не может этого быть.... И... денег за вызов не надо... Я всё собрал? Ага, все.... Всего доброго, синьора.... До свидания. Я на днях загляну к вам.

Хорошо, что новая мама не знает французского. Иначе её беспокойство было бы гораздо выше. Тут я понял, что бы выжить, надо быть предельно осторожным. Не пугать взрослых и вести себя соответственно возрасту, но как это сделать?

– Спасибо доктор. До свидания. Катарина, проводи доктора.

Дверь за доктором закрылась, и синьора Мариани, мне пока сложно было принять, что она моя новая мама, но буду её так называть, повернулась ко мне. Я стоял рядом с пуфом, смотрел ей прямо в глаза. Что делать, что предпринять? О! Мысль! Надо протянуть руки и улыбнуться, что я и сделал. Она подошла, присела на колени и прижала меня к груди. *«Вот ещё... развела сырость»* – подумал я.

Потихоньку мне удалось освободиться из её объятий. Отошёл на пару шагов назад и стал медленно обходить её по кругу. Меня влекла открытая дверь. Точно знал бежать

нельзя, поймают сразу. Всё надо делать медленно. Подошёл к двери и остановился на пороге. Коридор, широкий. Справа две двери, покрашены светлой краской с резьбой по дереву. Подошёл к большим двухстворчатым дверям с витражами из цветного стекла, с изображением павлинов, распустивших великолепные хвосты, перья украшены многогранными камнями кварца. Сквозь стекло просматривались громадные столы и ровные ряды резных стульев. Нижняя часть покрыта мелкой резьбой по дереву с изображением виноградной лозы и различных экзотических фруктов. Цапля на одной ноге, не то в луже, не то в болоте. Дальше можно не смотреть. Иду дальше. А вот левая дверь притягивает как магнит. Даже ладошки зачесались от нетерпения. Как бы из ниоткуда появилась служанка Катарина и встала рядом. Как же им сказать, как дать понять, что хочу попасть в эту дверь и при этом не напугать маму. Я подошел к двери и повернулся, посмотрел на маму, та с восторгом и умилением наблюдала за мной. И будто бы поняв, что я хочу, попросила служанку открыть дверь. За дверью было темно. В лицо пахло застоявшимся воздухом, крутой смеси выделанной кожи, приправленной запахом старой типографской краски. Это была явно – библиотека. Сквозь единственное плотно зашторенное окно свет не проникал в это помещение. Щелчок выключателя, и под потолком вспыхнула тусклая лампочка. Света прибавилось, но совсем не много. Хотя его хватило, чтобы осветить большой портрет молодой, красивой женщины в пла-

тьё вышитой серебром и золотом, с большим стоячим кружевным воротником. Волосы, уложенные в два или три кольца на затылке, только подчёркивали её молодость и красоту, а пыль, покрывавшая картину, мерцала в свете лампочки, придавая ей оттенок таинственной искристости. Я остановился и пристально всмотрелся на портрет женщины. Поддавшись неожиданному чувству, совершенно произвольно я показал на картину и сказал:

– Мама.

– Мой малыш!

Моя новая мама подбежала, села на колени и опять стала целовать меня, продолжая свои причитания.

– Какой молодец. Сказал первое словечко. Мама! Умненький мой! Золотце моё!

Я терпеливо ждал, затем повторил, указывая на картину.

– Мама!

– Нет, это не твоя мама. Это твоя пра-пра-пра-бабушка, графиня Нинетта Лучини Скараотти.

Я перевел взгляд на портрет рядом

– А это твой прапрадедушка, Марио Скараотти, генерал.

Портретов много. Останавливались у каждого, и обо всех получал достаточно полную информацию. Если что-то было непонятно. Сложные речевые обороты или термины. Слегка сжимал мамину руку, и она не спрашивая, начинала повторять рассказ, используя более простые выражения.

Не дёргался, не вырывался, внимательно слушал и разгля-

дывал своих предков, а мама внимательно разглядывала меня, не прерывая рассказа. Узнал, что отношусь к древнейшему, некогда могущественному клану-роду Скараотти. В котором были, и свои герои, и свои предатели. Истории интересные, но не впечатлили. Показалось странным, при обилии стольких портретов, в галерее отсутствовал портрет моего отца. Закончив рассказ, она отпустила руку, и замолчала. Почувствовав свободу, стал медленно обходить стеллажи с рядами книг, выискивая знакомые названия. В основном книги на итальянском языке, но попадались французские и немецкие. Открыл одну. Буквы знакомые, а смысла не понимаю. Искал какой-нибудь самоучитель. На одной из полок нашёл книгу с картинками, похожую на букварь. Пролистав полкниги, нашёл предложения из двух, трёх слов. Мама стояла в дверях и наблюдала. Подошёл, открыл книгу словами и попытался произнести, по картинке смысл понятен: «Начни утро с молитвы», не получилось. Произнести на другом языке, не рискнул.

– Хочешь научиться говорить?

Я кивнул.

– Читать и писать?

Ещё раз кивнул.

– Ты понял то, о чём я тебе рассказывала?

Произнести слово «понятно» или «понял» длинно. Может не получится, а вот слово «да» вполне получится.

– Да!

Долгая пауза. Вроде хочет что-то спросить и не решается. Надо как-то подбодрить и не сломать хрупкую нить возникшего взаимопонимания. Отвернуться, уйти нельзя. Молчать и ждать, тоже. Может она уйти. Результат будет непредсказуемый. Без друга, без союзника не обойтись. Что-то надо предпринять. Решаюсь. Прикасаюсь к её руке, беру за кончики пальцев и подношу её руку к своим губам. Вижу широкую улыбку. Кажется, получилось.

– Ответь ещё на один вопрос... Ты, вообще-то, человек?

Теперь я улыбаюсь, говорю: – «Да», – и киваю головой. Это всё, на что я пока способен.

– Хорошо. Будем заниматься. Я съезжу в город, куплю учебники. А сейчас пора ужинать.

Я повернулся и пошел по направлению к своей комнате. Вот моя дверь с одноногим аистом в болоте. Надавливаю на ручку и открываю. Вхожу. Что-то изменилось. Исчезла кровать-клетка. Вместо неё кровать-диванчик. Хотя нет, это раздвинутое кресло. Также удобно. На подоконнике свежие цветы. В противоположном углу на пушистом ковре громадная куча мягких игрушек и большая пустая коробка. Немного левее журнальный столик, инкрустированный под шахматную доску. На столике поднос с баночками детского питания. Рядом со столиком застыла пожилая женщина со скрещёнными на груди руками и молча смотрела на меня. Я знал её. Она приходила чаще других, кормила меня с ложечки, давала соску с бутылочкой молока, меняла подгузники.

ки и молча уходила. И так изо дня в день. С минуту смотрели друг на друга, и тут впервые услышал её скрипучий голос:

– Сеньор Пьеро Мариани, пора кушать!

В голосе, не прозвучало ни каких эмоций. Просто, пора кушать, и всё. Подошёл к столику, залез на стульчик и стал рассматривать картинки на баночках. На всех были изображены фрукты. На одной из них увидел нечто знакомое. Яблоки и ещё что-то. Показал пальцем на банку. Изваяние шевельнулось и сняло с баночки крышку и вновь застыло в прежней позе. Значит, сегодня меня кормить не будут. Придётся самому осваивать новую технологию. Ложка привычно легла в руку, и процесс пошёл, очень быстро, а ведь в этой жизни самостоятельно ел впервые. Вторую баночку выбрал с яркой этикеткой и какими-то фиолетовыми ягодами. Вкусно. Бутылочка молока с соской стояла рядом. Мне показалось, что сосать молоко через соску это уже неприлично. Стакана не было. Соску снял, перелил молоко в пустую банку и выпил. На себя пролил совсем чуть-чуть. Встал и вышел из-за стола. Изваяние вновь шевельнулось, вытерло капельки, взяло поднос и исчезло. Тоже мне, мать Тереза. Остался один. И так, что же сегодня произошло? Что бы размышлять было удобнее, взобрался на кровать и удобно устроился на мягкой подушке. Ещё утром был ребёнком, внушающим серьёзные опасения по поводу здоровья и психики. Доктор часть сомнений развеял, по крайней мере, по поводу здоровья. Моя мама, в чём я уже почти не со-

мневался, сердцем поняла, не разумом, что и за психическое состояние можно не волноваться. Меня зовут: Пьеро Мариани Скараотти, а маму: Мариани Мангариус Скараотти. Мы последние представители древнейшего, вымирающего рода Италии. От прежнего величия остался лишь разрушавшийся замок, библиотека и пара десятков картин.

Так. Что ещё? Вновь нахлынули воспоминания. Вспомнил детей. Их трое: Аркадий, Аля и Светлана. Аркадию сейчас 30 лет. Праздновали День рождения, а через неделю состоялся мой эксперимент, подтверждающий открытие новых элементарных частиц на ускорителе в Институте Ядерной Физики. Во время эксперимента что-то произошло. Что? Был взрыв? Да! Был взрыв! И пожар. Большой пожар. Наверное, пол института сгорело. Пострадал ускоритель. Помню. Были жертвы. Помню. А ведь я находился непосредственно в эпицентре взрыва. Там излучение, очень велико. Должно быть, моё теперешнее положение результат этого происшествия. Пока не понятно, но похоже сущность того профессора, то есть меня, или его – мои воспоминания, в момент смерти перенеслись в тело новорождённого младенца за тысячи верст от места трагедии. Возможно ли это? Не знаю, но сдаётся мне, если подумать, найдётся этому какое-то объяснение. В том, что профессор, то есть, тот я погиб, я не сомневался. Возможно, не сразу умер. Может, какое-то время, в коме находился, потому, что помню, как рушились пере-

крытия, горел пол под ногами. Помню, как кто-то выносит меня из этого хаоса. Мысленному взору открывается картина трагедии. Но вижу горящее здание со стороны, возможно из окна или балкона соседнего здания. Помню, подъезжали пожарные и приступали к тушению. Из пламени выносят и выводят людей. Всё это продолжается довольно долго, часов восемь или десять. Внизу снуют автомашины, кричат люди, слышится треск и шипение остывающего металла. Постепенно все звуки затихают, или я их, просто, перестаю слышать. Солнце касается горизонта, и вечерние сумерки медленно обволакивают городок. На душе покой и умиротворение. Меня совершенно не волнуют только что произошедшие события, свидетелем которых был, не волнуют люди, пострадавшие в огне, о них просто не думаю. Сознание заполняют размышления о бытии и смысле жизни. Жизнь искра на фоне бесконечности, искра которую и в расчёт можно не брать. Есть она или нет. Для вселенной это совершенно безразлично. Наваливается чувство покоя. И вдруг, из состояния умиротворённой эйфории выводит внезапная боль. Резкая пронизывающая, костлявая. Скручивает тело в спираль, и сдавливает голову железным обручем. В глазах темнеет, теряю сознание.

Очнулся в полной темноте. Всё тело сковывает боль. Шевелю рукой, пробую дотянуться до глаз. Повязка. Поэтому и темно. В воздухе ощущался приятный запах цветов. Не огородных, не домашних, а свежих полевых, с ароматом

свежего сена и сочных трав. Захотелось взглянуть на них. С трудом повернул голову и почувствовал свет. Нет, не увидел, а именно почувствовал. Вроде как повязка не плотно наложена и сквозь неё проникает белое свечение и силуэт букета на тумбочке рядом с кроватью с мелкими цветочками. Большой букет в стеклянной банке. Отвернул голову, свечение исчезло. Исчезли воспоминания. Всё исчезло.

Разбудил скрипучий голос:

– Сеньор Пьеро Мариани, пора кушать!

Открыл глаза. С потолка на меня смотрели ангелы со стрелами и женщина с младенцем. Чем-то эта настенная живопись меня раздражала. Женщина усмехалась, а ангелы издевательски улыбались. Человек на кресте всё время подглядывал за мной, одним глазом. Поднялся, сел на кровать. Рубашка порвана в двух местах, а шортики готовы разорваться в любую минуту. Так плотно они сидели. На стуле возле кровати лежала новая одежда. Под стулом тапочки. Возле столика с баночками детского питания молча стояло знакомое изваяние. Не обращая на неё внимания, переоделся. Одежда оказалась немного великовата, зато походила на взрослую. Прошёл мимо няни к двери и вошёл в туалет. Умылся под краном в джакузи и вернулся в комнату. Поза няни не изменилась, хотя старая одежда исчезла. Кровать тщательно заправлена. В сервировке стола тоже произошли изменения. Вместе с баночками стоял стакан, а молоко было

налито в кувшин с широким горлышком. На двух баночках из шести красовались мордочки животных, рядом с ложкой тонкий ломтик ярко жёлтого хлеба, или чего-то очень похожего на него. На этот раз съел всё. Жёлтый пластик действительно оказался хлебом, только кукурузным. После завтрака решил посмотреть игрушки в углу комнаты. Брал по одной и сбрасывал в пустую коробку. Это были резиновые зайчики, плюшевые мишки, полосатые зебры, львы, лошади, морские свинки, погремушки и прочая дребедень. Пока складывал, подспудно прикидывал, сколько мне лет. По собственному ощущению, как бы со стороны наверно лет 10. А вот сам себя ощущаю на 30, не меньше. Попробую подсчитать реально. Так. Сыну 30, женился в 19 лет, рано конечно, стало быть, мне, примерно, 50 лет и 7 месяцев, прибавим пять месяцев этой жизни, получается 51год «общей жизни», а выгляжу ребёнком. Чертовщина какая-то получается. Всю жизнь был материалистом, ни в какие реинкарнации и переселения душ не верил. И в потустороннюю жизнь тоже. Должно же быть какое-то научное объяснение. Ведь помню себя на больничной койке, помню врачей, их разговоры около палаты, их обсуждения какого-то футбольного матча. Странно! Все мои воспоминания обрываются на больничной койке. Значит, всё-таки умер! Тот я – первый. А что? Вот я – второй. Возможно, будет и третий? Уже ничему не удивлюсь.

Вошла мама с большой стопкой книг в руках. Хотя и решил называть её мамой, произносил с трудом. Нужно вре-

мя, что бы привыкнуть. Первое, что бросилось в глаза, цветные карандаши, шариковая ручка и тетрадка. Очень хорошо, наиглавнейшее приобретение. Решил записывать свои воспоминания, но не знал как. Сели друг против друга. Сам выбрал книгу, букварь, только современный и с яркими картинками. Открыл выбранную страницу и показывал пальцем на надпись. Мама-Мариани произносила, я повторял. Повторял несколько раз, пока не добивался приблизительно правильного произношения. Потом следующую картинку. Если изученные слова повторялись, их пропускали. Правильно произносить было очень сложно, потому, что у меня прорезались все зубы, язык цеплялся за острые кончики, и звук получался шепелявым, с присвистом. Пока произносились слова, в тетрадке их записывал. Произношение отличалось от написания. Буквы получались кривые, но очень скоро всё выровнялось, сработала моторная память. Иногда Мариани указывала на не правильные буквосочетания, исправлял и больше ошибок не повторял. За два часа непрерывной работы были изучены все принесённые книги. Теперь мог задавать вопросы, но из массы интересующих, задал один:

– Почему в доме нет зеркал?

Ответ был простым.

– Маленькие дети не должны видеть своё отражение. Могут испугаться и стать зайками. При твоём рождении все зеркала убрали.

– Зеркала можно вернуть. И ещё, у меня есть просьба. Можно ли в библиотеке навести порядок?

– Хорошо, этим займутся сегодня же. Завтра будет блистать чистотой. Что-нибудь ещё?

– Пока всё, ещё не готов задавать серьёзные вопросы. Нужно поработать над грамматикой и дикцией.

На этом и расстались.

Оставшись один, начал с записи своих ранних воспоминаний. Что-то мне подсказывало, что могу потерять их в любой момент. В качестве языка выбрал русскую стенографию. Посторонние примут за детские каракули, и не привлекут внимания. Пару дней ушло на записи. Предстояло не только вспомнить и записать, но переосмыслить произошедшие. Когда все имеющиеся воспоминания были записаны, а новых не возникало, занялся самообразованием. Узнал, что год сейчас – 2001. Авария и пожар в институте был в 1987 год. Получилось, что несколько лет выпали совсем. Мне одиннадцать месяцев от рождения, а выгляжу, как пятилетний. С каждым днём чувствую новый прилив сил, много ем и расту как на дрожжах. Пожалуй, спрячу ка я свою тетрадку где-нибудь в библиотеке, до лучших времён.

В замке, кроме меня и матери, живут ещё шесть человек: Повар с женой-помощницей, садовник, он же шофёр и механик по совместительству с сыном Рафаэлем и двое пожилых, сестер, служанки. Все чем-то заняты, на меня никто не обращает внимания. Мне кажется, что побаиваются.

Рафаэль, единственный, кто хорошо относится. Частенько бродим по окрестностям, или развалинам замка. Однажды мы с Рафаэлем на озеро и попали под сильный дождь. Летом бы оно было ничего, но глубокой осенью. В общем, промокли и заболели, оба. Помню, сижу на кровати без майки. Рядом доктор Лурье, слушает дыхание, смотрит горло, зачем-то проверяет зрачки. В дверях стоит синьора Мариани и чуть в стороне служанка Катарина. Доктор говорит ложиться, встает, и они все уходят. Слышу разговор доктора с мамой.

– Сегодня и завтра, а лучше три дня постельный режим. Ничего страшного, дорогая Синьора Мариани, это всего лишь простуда. Вот вам рецепт. Горло следует полоскать каждые полчаса, на ночь лучше теплое молоко с мёдом. Максимум через три дня он будет здоров.

– Доктор, а что на счет...

– На счет быстрого взросления? – Доктор вдохнул. По его голосу было понятно, что обсуждать ему это не хочется – Понимаете ли, такой феномен, в целом, науке известен. Это – синдром Хатчинсона-Гилфорда, а попросту – прогерия. Но ваш случай особенный. Уникальный я бы сказал. Я не нахожу каких либо физических отклонений. Ему два года, а по физическому развитию уже лет 12—14. Знаю, как Вы настроены, но все же посоветую лечь к нам в клинику для всестороннего обследования...

– Это исключено, доктор. Я не допущу, чтобы мой сын

превратился подопытного кролика!

– Ну, что вы, дорогая моя синьора Мариани. Зачем Вы такое говорите.

– Еще раз – нет, доктор!

– Ну, хорошо. Простите меня ради Бога. Я не настаиваю, и не хотел Вас обидеть.

Признаюсь, я бы тоже не хотел попасть в клинику. И хотя, темп взросления меня сильно не беспокоил, все же он стал ускоряться. Это настораживало. И сильно печалило синьору Мариани, мою маму. Она всё чаще была грустной, но при мне никогда вида не показывала.

За полтора года ни разу не вспомнил о прошлой жизни. Не возникали и не беспокоили воспоминания. Изредка во сне промелькнёт что-нибудь, а утром забудется. Сегодня, в Рождественскую ночь, а родился я именно в Рождество, приснился сон. Красочный, яркий, не правдоподобный, но очень реальный.

Я – Петр Леонидович вхожу в Институт, я выхожу из дома и сажусь в машину большую черную, мне хитро подмигивая, машет рукой какой-то человек. Я его знаю, но, как его имя? Вспомнил, профессор Симаков из Ленинграда. Он в моей фетровой шляпе. Грибообразное облако черного цвета над зданием Института и вой машин скорой помощи. Я поднимаю взгляд на здание. Вижу разрушения части крыши. В провале бушует пламя и из него выбрасывается гу-

стой черный дым. Внизу суетятся пожарные и медики. Кареты скорой помощи отъезжают с ранеными, на их место приезжают следующие. Профессор Симаков преграждает путь из калитки к машине. Меня куда-то катят, мелькают плафоны, наклоняется доктор Лурье и светит в глаза. Шум сирен, крики раненых. Палец тыкает в кнопку на пульте управления реактором. На кнопке почему-то написано – «КОНЕЦ». Яркая белая вспышка заполняет всё пространство, обрывая все звуки. Я стою на высоком холме возле креста, состоящего из указующих перстов, украшенных пентаграммами, змеями и витиеватой надписью на раскинутой перекладине – «Пойдешь налево – приобретёшь, пойдешь направо – поймёшь, а прямо пойдёшь – потеряешь». Слева солнце и голубое небо, тропинка широкая вниз, в цветущий сад; справа луна и небо в звездах, степь ковылем заросшая, тропка узенькая до маленькой церковке; прямо тучи свинцовые с застывшим дождем. Ни звука, ни движения. Я рассматриваю крест, обхожу его вокруг, делаю шаг назад, чтобы рассмотреть лучше, но поскользываюсь и скатываюсь прямо под застывший дождь, Дождь начинает лить, как из ведра. Вокруг темнеет резко. Я пытаюсь подняться. Кругом вода и грязь. Я падаю, снова встаю, стараюсь понять куда идти, но опять падаю... и тут, меня кто-то хватает за ноги и тащит. Я хватаюсь рукой за травяную кочку, но трава рвется, и я проваливаюсь во тьму.

Я резко проснулся в чистой постели с клочком травы в ру-

ке. Достал тетрадку, т.е. дневник, что бы записать сон, показавшийся мне вещим.

Сегодня, вроде праздник какой-то. Не могу вспомнить. 7 июня 2003 года. Мне исполнилось два с половиной года. Уже месяц, как глотаю таблетки, горстями. Результата не ощущаю. Старею на глазах. На вид около 30 лет. Все прошедшее время проводил в библиотеке, пересмотрел и перечитал практически всё. Изучая и просматривая материалы по молекулярной физики, химии, гидродинамики, с удивлением обнаружил, что знания, которые были когда-то государственной тайной, изучаются в общеобразовательной школе. Новые тематические и технические разработки, прорывы в фундаментальной науке намного опередили мои собственные познания. Новые технологии оказались не по зубам. Ищу применение знаний и способностей в новых условиях. В новой жизни. Больше в библиотеке делать нечего.

Вчера мама подарила компьютер, освоил его очень быстро. В 1987, конечно уже были компьютеры, но они были очень сложные и неудобные. Вскоре я, увлёкся торгами на биржах. При помощи компьютера, оказалось лёгким и прибыльным занятием. Доходы перечисляю на мамин счёт. Она довольна, оставила работу и с головой окунулась в реставрацию и восстановление замка. Стало шумно и многолюдно. Снуют рабочие, шумят автомашины и строительные механизмы. Стараюсь реже сталкиваться с чужими людьми.

Всё, что мне нужно заказываю по Интернету. Пару раз ездил с Рафаэлем в город. Шумно. Не понравилось.

7 января. Вновь День рождения. Три года. Сегодня вновь приснился сон. Вижу себя, того, прошлого, на операционном столе. Один из хирургов копается в моей грудной клетке. Что-то отрезает и сшивает. В окровавленном лотке вижу собственные глаза, а на лице, вместо глаз глубокие ямы. За спиной кто-то нашёптывает что-то успокаивающее. Хочется вырваться отсюда, улететь туда, где меня ждут, но чьи-то руки не пускают, подталкивают к телу. Не хочу, отпусти! Хочу вырваться и просыпаюсь.

7 июня 2004 года. Мне по ощущениям, примерно, 42 года. Видения стали посещать не только ночью, но и днём. Они могут возникнуть спонтанно, в любое время. И чем они ярче, тем хуже себя ощущаю в этой реальности.

Бывает, замру в середине какого-нибудь действия и стою по несколько минут. Так и в этот раз, из оцепенения меня «выдернул» звук прилетевшего в окно камешка. Я выглянул в окно и увидел там Рафаэля. Тот приветливо помахал и что-то крикнул, но за закрытым окном я ничего не слышал. В руках у него удочки. Мы часто ходим на озеро ловить рыбу. Вот и сейчас он меня звал. Я сказал, что подойду позже, и он побрел в гордом одиночестве. Мне нужно было уладить кое-какие дела. Предстояло заключить контракт с китайцами. От этого контракта зависело дальнейшее благосостояние

семьи. Было очень беспокойно и волнительно. Но, видимо, напрасно, все прошло наилучшим образом. И спустя пару часов я уже отправился на озеро.

Проходя мимо развалин старой часовни, где из-под её угла пробивается родник, я остановился, чтобы попить воды, и тут, какой-то звук привлёк моё внимание.

– Раф, это ты!?! – крикнул я, и, не дождавшись ответа, пошел исследовать развалины часовни, осторожно ступая по шатким обломкам битого камня. Вдруг пол под ногами провалился. Пролетев метра два-три, я упал на пыльный пол подземелья, приложившись сильно головой о жестяную коробку. Очнулся в каком-то склепе.

Ушибленная голова немного гудела. Долго лежал на каменном полу и вспоминал, как попал сюда? Сел на пол и, не отнимая руки от уха, осмотрелся. В помещении темно, и, тем не менее, всё видно. Где-то сверху пробивается слабый свет. В кругу света была только жестяная коробка. От удара она немного помялась. Я взял её в руки и начал рассматривать. Коробка оказалась ларцом. Отрыв ларь, я обнаружил старинную книгу. Большой кристалл на её обложке вспыхнул бледно-зеленоватым цветом. Я с некоторым придыханием погладил камень, перегородив попадание света сверху, но свечение кристалла не исчезло. Чтобы рассмотреть более внимательно я достал книгу из коробки и открыл ее. Книга была расписана непонятными каракулями, а некоторые страницы были вообще пустыми. Я закрыл книгу, кристалл вновь

перелился зеленоватым свечением. Я поднес кристалл ближе к глазам. В кристалле вспыхнуло зеленоватое свечение, которое мгновенно заполнило весь кристалл, и волной прокатилось по всей обложке, и дальше по рукам прошло по всему моему телу. Переплёт книги превратился в золотой. И мне показалось, что она стала немного теплей и чуточку тяжелей.

После превращения книги к обычному зрению подключился эффект видения сквозь стены, такое тайное зрение. А за стеной было что рассмотреть. Там была другая комната и узкий коридор. Попробовал мысленно пройти по нему. Получилось. С трудом пробираюсь по подземным переходам, заглядываю в разные углы и пустоты. В одном из углублений вижу несколько скелетов в неестественных позах. Наверно, мучились перед смертью. Повсюду пыль и обвалившиеся куски породы. Чем глубже проникаю в пещеру, тем больше человеческих костей. Вдоль стен кованые сундуки, ящики. Рассыпаны драгоценности, золото, разнообразное старинное оружие, доспехи. Много всевозможных изделий из драгоценных металлов и камней. Чем дальше пытаюсь пройти, тем слабее становится моё восприятие. Детали расплываются, сливаются, превращаясь в не преодолимую преграду. Внезапно видение исчезло. Вновь в пустом тёмном подвале. Странное видение. Возможно из прошлого. Вновь напрягаю зрение и проникаю за стену в пещеру, только на этот раз не могу проникнуть дальше двух-трёх шагов. Устал, перенапрягся. Отдохну немного. Нет! Это не видение, эта вновь

открывшаяся способность видеть сквозь стены, дар божий, неизвестно откуда взявшийся. И тут я, толи заметил, толи почувствовал сквозь земную породу, как по лесной тропинке идет Рафаэль с удочками.

– Рафаэль! Я здесь! Помоги! – крикнул я, что есть мощи.

Рафаэль, конечно, меня услышал. Было это ему весьма удивительно. Он остановился и заглянул в развалины часовни.

– Пьеро!? Это что, шутка какая? Ты где?

– Я здесь, Раф, в провале. Найди, чем меня вытащить.

Рафаэль увидел провал возле стены и осторожно туда заглянул.

– Пьеро, ты что? Упал? Ушибся? Не сломал себе что?

– Да, нее. Нормально. Притащи лестницу.

– Хорошо, Пьеро, я сейчас, мигом.

Новые возможности настолько меня поразили, что некоторое время я не выходил из комнаты, а занимался экспериментами. Начал с уже мне известного переключения на тайное видение. Словно переключатель в голове мысленный. Раз – и всё в замке становится полупрозрачным, кроме самой книги. Она неизменна. Я подошел к закрытой двери и прошел сквозь неё, так как будто бы ее и не было. Я повторил этот «фокус» со стеной. Просунул сначала руку в стену и переключается на нормальное зрение. Тяну. Стена отдает руку медленно, неохотно и затягивает образовавшуюся брешь до первоначального состояния. Трогаю это место –

стена твердая.

Выяснил, что достаточно закрыть глаза и сосредоточиться на интересующем объекте, проявляется реальная картинка, в реальном времени. Находясь в комнате, мог видеть всё. Мысленно пройти сквозь стену, заглянуть в любую комнату, подслушать чужие разговоры, прочитать раскрытую газету. Могу даже заглянуть вовнутрь человека. Жаль, что не имею медицинского образования, а то смог бы определить и болезнь.

Чем ближе объект, тем чётче его изображение, тем больше мелких деталей вижу. Чем дальше, тем их меньше, они как бы, тают в тумане и хуже основное изображение. Когда выхожу во двор или в парк, слабее становятся возможности, зато всегда ясно вижу свою комнату и всё, что в ней происходит. Вот служанки занимаются уборкой. Одна вытирает пыль, другая пылесосит ковры. В реальной жизни их практически не вижу. Всё умудряются сделать во время моего отсутствия. Когда мне что-нибудь нужно, одна из них всегда оказывается рядом. Талант какой-то. И не такие они старые, как мне казалось когда-то. Им около сорока. Чистенькие и миловидные. Сейчас я выгляжу старше их.

Направляюсь к часовне, к месту, где когда-то провалился, но там мои способности совсем ослабевают, а, спустившись в яму, исчезают вовсе. При приближении к замку возвращаются и способности наблюдать скрытые от других предметы, события, обстоятельства. Мир расширяется, становится

ярче, красочнее, разнообразнее. Разглядываю птиц в полёте и на далёком дереве. Бурундуков и зверьков разных, в своих норках, зайцев в лесу. Могу даже гусеницу на ветке рассмотреть. И чем ближе подхожу к своей комнате, тем ярче и отчётливее рассматриваемые картинки. В самой комнате, могу мысленно заглянуть за многие километры. Что в ней такого? Что упустил? Надо более внимательно осмотреть своё жилище.

Прошло два месяца, постарел на два года. Сейчас мне на вид – сорок пять. Появилась седина, боли в спине, первые заметные морщины. О своей болезни прочитал всё, что только возможно. Вывод один. Болезнь прогрессирует, и остановить её не возможно! После такого диагноза жизнь стала не интересной. Накатывают периоды депрессии и меланхолии. Бороться с которыми чрезвычайно сложно. Останавливает от необдуманного шага любопытство. Слежу за собой, как бы со стороны, стараясь разгадать тайну своего второго рождения. Я существую, и это реальность существует, а наука утверждает, что такое не возможно. Ещё в 1987 году физик Роберт Джан и психолог Бренда Дюнн, сотрудники Принстонского университета, заявили, что после десяти лет упорных экспериментов, проводимых в Исследовательской лаборатории по аномальным явлениям, им удалось собрать неоспоримые доказательства того, что сознание может психически взаимодействовать с физической реальностью. Значит такое возможно? Одна из причин отрицания этого

факта, заключается в том, что наука не всегда объективна, о чем ранее, даже, и подумать не могли. Мы всегда смотрели на ученых с чувством восхищения, и у нас не возникало ни малейшего сомнения в достоверности их теоретических построений и практических выводов. Мы забыли, что ученые – такие же люди, как и мы, и подвержены влиянию тех же общественных, мировоззренческих и религиозных предрассудков.

На основе всех известных мне научных работ в этой области, занялся разработкой физики сознания, с помощью которой можно будет исследовать и другие уровни существования. Разгадка находится где-то на уровне квантовой теории. Я всегда чувствовал, что мир гораздо богаче, чем его обычно представляют. Продолжаю исследовательские работы. После долгих поисков нашёл причину резкого прояснения сознания именно в своей комнате. Причиной оказалась книга, принесённая из разрушившегося подвала. В первый день, разглядывая её, ничего не понял, ни её значения, ни какого-либо смысла. Написана она на языке, подобия, которому нет в современной лингвистической науке. Пролистал от корки до корки и положил на полку, не найдя в ней ничего интересного, за исключением оформления.

В этот день, всё было иначе. Встал посередине комнаты, протянул вперёд руку, закрыл глаза и сосредоточился на соседней комнате. Это была ванна. Мысленно обошёл её. Все

предметы были видны чётко и ясно. Остановился напротив зеркала и в отражении увидел самого себя, в комнате, с протянутой вперёд рукой, но только со спины. Стал приближаться и вошёл в зеркало. По всему телу пробежала мелкая дрожь. Продолжал приближаться. Моё изображение стояло неподвижно, а пальцы вытянутой руки почти касались книжной полки, на которой лежала загадочная книга. Ещё мгновение и мой взгляд вошёл в моё отражение. Комната озарилась ярким светом, посыпались искры, зарокотал гром, и всё погрузилось во тьму.

Не знаю, сколько прошло времени, когда сознание вернулось, обнаружил себя лежащим на полу. Пахло горелым и неприятным. «Короткое замыкание». За окном глубокая ночь. Небо затянуто тучами, сквозь которые не видно ни звёзд, ни луны. В руке держу книгу. Золочёная обложка горячая и жжёт руку, но бросить её не решаюсь. Напротив, прижал к груди, будто в ней заключалось моё спасение. С трудом поднялся. Чувство опасности не проходило. Тело пробивал мистический озноб. Хотел включить свет, но понял, не обязательно. Глаза видят в темноте всё до мельчайших деталей. Огляделся, комната изменилась. Исчез компьютер, любимый диван, вместо него огромная кровать с балдахинном. Стол стал массивным, деревянный. Всё же решил включить свет, но не нашёл выключателя. Поднял голову и не увидел люстры. Зато к стенам были привинчены колбы с маслом с плавающими фитилями. Подошёл

к двери и выглянул в коридор.

На стенах портреты величественных вельмож. Некоторые из них были когда-то в библиотеке. Пол, потолок, двери, всё было другое. Спустился в холл. Стены украшены лепниной с позолотой. На окнах плотные шторы, на полах ковры. Вдоль стен рыцарские доспехи. В нише, напротив входной двери большое зеркало. Оно слегка флуоресцировало. С опаской приблизился и заглянул в его глубину. Увидел противоположную стену и молчаливых рыцарей вдоль стен. Моего отражения в зеркале не оказалось. Подошёл вплотную, но себя не увидел. Хотел пощупать зеркало. Уже было протянул руку, но вспомнил, как недавно прошел сквозь зеркало, не решился. Видел сейчас свою руку, но не видел её отражения. Это немного обескураживало. Решил осмотреть весь замок. Захожу подряд во все комнаты. Столовая, банкетный зал, продовольственный склад, кухня, ещё зал, спальня прислуги, прохожу мимо спящих. Следующая дверь закрыта изнутри. Давлю на неё сильнее и рука медленно, как сквозь тесто проходит через толстое дерево. Отдёргиваю руку, но не вижу следов проникновения. Наваливаюсь плечом и прохожу сквозь дверь. Это понравилось.

Следующую дверь преодолеваю тем же способом. Больше не пытаюсь открывать, а прохожу сквозь них и с каждым разом всё меньше ощущаю сопротивление. Попробовал пройти сквозь стену. Получилось. В одном из залов задержался, разглядывая женские наряды, развешенные на стоячих

вешалках. На них столько драгоценностей, камней и золотых украшений, что весить платье должно не менее тридцати килограмм, а, судя по талии и плечам, предназначались хрупкой женщине. Постояв с минуту, решил произвести эксперимент. Подошёл к одному из платьев и попытался оторвать один из бриллиантов. С первой попытки не получилось. Пальцы сомкнулись внутри кристалла. Со второй получилось. Если сжимать не слишком сильно, то можно и оторвать. Таким образом, снял пять крупных камней и положил в карман. Только сейчас заметил, что вся моя одежда прожжёна и закопчёна. Книга, которую держал в руке, стесняла движение, но расстаться с ней не хотелось. Камни, которые снял с платья, скорей, интересовали меня с научной точки зрения, нежели как драгоценности. Хотел проверить, что с ними случится, когда пройду сквозь дверь или стену. Разглядывая доисторическую красоту, не заметил, как в комнату вошли две служанки и направились прямо ко мне. Прятаться поздно, вот и остался стоять. Женщины, в спальнях рубашках, шли ровно, глядя перед собой. Приблизились ко мне вплотную и прошли сквозь меня, не почувствовав и не заметив. Складываю бриллианты в карман и, осматриваясь по сторонам, поднимаюсь на верхний этаж, на смотровую площадку. На улице было ветрено, но на мою одежду это не оказывало никакого влияния. Пейзаж, представший предо мной, не сильно отличался от современного.

Осмотрел замок со стороны. Можно сказать, облетел

окрестности новым зрением. Часовня цела и невредима, замок не разрушен. На месте нынешнего парка множество деревянных строений. Конюшни, казармы, сараи, амбары. Внизу суетится народ. Работает кузнец в кузне. В ворота замка въезжает телега. Солдаты в старинных доспехах о чем-то толкуют с возничим. На сторожевых башнях замечаю часовых в полном вооружении. Вся территория замка обнесена крепостной стеной, вдоль которой разъезжают конники с зажжёнными факелами. В окне замка вижу красивую девушку, в дорогом, расшитом цветным бисером и серебряными нитями платье. Она всматривается прямо в то место, где вишу я. Интересно, куда смотрит девица? Я обернулся, пытаюсь понять направление её взгляда, но ничего примечательного там не увидел. Вновь посмотрел в окно с девицей, но её в окне уже не было.

Подумав, решаю во двор спуститься, и сквозь крепостную стену пройти, к видневшемуся невдалеке водопаду. В моё время он отсутствует. Я начал плавное движение в направлении крепостной стены, но остановиться вовремя не смог и влетел в стену. Стена широкая, около пяти метров. Через пару минут начинаю испытывать панический страх, не могу по-настоящему оттолкнуться. Стоит опереться чуть сильнее, и рука проваливается, теряя опору. Начинаю терять ориентацию. Страх остаться в стене навечно, сковывает движение. Начал задыхаться, чувствую, как по спине стекают капельки пота. Спасла книга. Стал упираться книгой, в стену. Дви-

жение заметно убыстрилось. Через минуту выбрался в свободное пространство. Это тоннель, метр шириной и два высотой. Колени дрожали от напряжения, присел на корточки отдохнуть и перевести дух. Где-то в конце коридора показался свет факела, в мою сторону бежал человек в доспехах. Разойтись невозможно, а зайти в стену не было сил. Выпрямившись, прижался к стене и ждал развязки. Но ничего не произошло. Воин пробежал сквозь меня, ничего не заметив, при этом обдав запахом давно немытого тела. Вот интересно, кто я сейчас? Что случится, если попробую воздействовать на этого воина, как на бриллианты?

Немного отдохнув, проверил карман с драгоценными камнями. Удивительно, камни на месте. Не потерялись и благополучно преодолели стену вместе со мной. Преодолевать стену второй раз, не хотелось. Пошёл по коридору искать дверь. Метров через двадцать вошёл в караульное помещение.

В караульном помещении находилось двое солдат. Один значительно старше стоял в дозоре у бойницы и внимательно всматривался в темноту. Второй совсем молодой сидел рядом на скамье и камнем натачивал лезвие меча. Осмотревшись, увидел холщовую сумку с лепешками, торчащими из неё. Голода не чувствовал. Я посмотрел на книгу, на сумку, мне нужна была эта сумка, книгу носить в руке неудобно. Взял ее аккуратно и начал перекидывать через голову, вешая на плечо. Солдат с мечом остановил процесс натачи-

вания и во все глаза смотрел на то, как сумка взмывает в воздух, слегка опадает и растворяется в воздухе. Он вскакивает с вытянутым перед собой мечом и начинает махать им в том месте, где только что исчезла сумка. На шум поворачивается взрослый солдат.

– Ты сдурел что ли? Чего на тебя нашло? – пробасил взрослый воин.

Молодой, продолжая махать мечом:

– Сумка пропала с едой. Вот тут взлетела вверх и растворилась.

– Как растворилась? Что ты мелишь?

Молодой солдат остановился, пытаясь перекреститься рукой не выпуская меч:

– Пресвятая Дева Мария, не сойти мне с этого места, исчезла...

Он очень удачно повернулся ко мне задом, чем я и воспользовался, слегка толкнув его ногой в пятую точку, и тот грохнулся к ногам дозорного. Взрослый солдат выхватил меч, вытаращил глаза и зашептал:

– Приведение!

Молодой солдат забился под лавку, ему явно было очень страшно. Я не стал дальше испытывать судьбу, улыбнулся и вылетел через стену с бойницей на улицу. Оглянувшись, увидел, что взрослый воин продолжает обходить сторожку, размахивая обнаженным мечом, а молодой усердно молится под лавкой. Мизансцена была окончена, и мне стало не ин-

тересно. Я направился к водопаду. Книга заняла своё новое место.

Я летел вертикально, почти над самой землёй, старательно облетая деревья и периодически останавливаясь. По лесной тропинке, из-за поворота, выехал конный наряд с факелами. Собаки, бежавшие рядом с ними, подняли лай и бросились в мою сторону. Они с азартным лаем пытались наброситься, но всякий раз пролетали мимо. Эти твари наверняка меня учуяли. Не обращая на них внимания, я направился в нужную мне сторону, а они, видимо осознав всю тщетность их попыток меня сцапать, бросились догонять ускокавших всадников.

Забрезжил рассвет, вершины гор осветились розовым светом. Я подошел, или вернее – подлетел к водопаду. Он оказался совсем небольшим, но очень красивым. Место, в котором находился, хорошо знакомо. Часто приходил посидеть на лужайке, именно сюда, где сейчас небольшое озеро. Скальная порода, по которой вода проложила себе путь, была покрыта неглубокими трещинами, в которых птицы гнёзда выют. Подумав немного, решил, часть камешков положить в одно из таких гнёзд. Выбрал три самых крупных, завернул в оторванный от моей, пришедшей в полную негодность одежды лоскут ткани, и протолкнул в понравившуюся мне расселину. С чувством выполненного долга подставил руки под струйки воды и почувствовал свежую прохладу. Сложил ладонки лодочкой, что бы набрать воды и увидел, что та сво-

бодно протекает сквозь них. Отошёл, сел на траву, задумался. Опять вопросы и нет ответов. Что делать дальше? Самое разумное вернуться туда, откуда началось это приключение, и быстрее попасть в свою комнату. А началось всё с книги. Я достал её из сумки в надежде обнаружить подсказку. Кристалл на книге вспыхнул яркой зелёной вспышкой и проскочил мощный электрический разряд. Посыпались искры, блеснула молния, раскалывая небо пополам, раздался гром и в небесной трещине появились звезды. Они закружились в бешеном танце и, в следующее мгновение, всё погрузилось во тьму. Исчезли звёзды, исчезла поляна, исчез воздух, исчезло всё.

Возвращение в действительность, если это можно так назвать, произошло легко. Открыл глаза. Стою посередине комнаты с протянутой рукой. Пальцы почти касаются полки, на которой лежит книга. Беру в руки, осторожно, с опаской. Обложка холодная как лёд, покрыта инеем. Кладу перед собой на стол и наблюдаю, как таят блестящие кристаллики. Холщёвая сумка с лепёшками, в которой она лежала, по-прежнему висела у меня на плече.

Компьютер на месте, книги, мебель, всё на своих местах. В комнате ничего не изменилось. Настенные часы показывают время начала моего эксперимента. Похоже, здесь оно остановилось. Краткое мгновение в море бесконечности. Подхожу к зеркалу и вижу своё отражение. Одежда в лохмотьях с дырами в разных местах. Лицо и руки грязные, воло-

сы скомканы и растрёпаны. Кто-то стучит в дверь. Открываю. В комнату входит служанка, кладёт на диван новенький костюм, нижнее бельё и чистое полотенце. Уходит молча, даже не взглянув в мою сторону. Пойду мыться. Снимаю порванную одежду и тут вспоминаю, что в кармане брюк должны быть бриллианты. Интересно, где они сейчас? Осторожно ощупываю одежду. В правом пусто. В левом что-то твёрдое. Опускаю руку и достаю два камня, которые вспыхивают на солнце разноцветными бликами. Некоторое время разглядываю их. Любуюсь их внутренней красотой и совершенством формы и бережно опускаю на стол, рядом с книгой. Нехотя отвожу взгляд и направляюсь в ванную комнату. На этот раз с водой всё в порядке. Она настоящая. Приятно вот так лежать в тёплой ванне и спокойно анализировать то, что со мной произошло. А происходило ли, вообще, что-либо? Может, это было очередное видение? Иногда они очень реальны. После ванны, постоял немного под душем, растёрся полотенцем, оделся и вошёл в свою комнату. Порванной и грязной одежды не было, стол чист, книга на полке, холщевой сумки с недоеденными лепёшками и бриллиантами не было. И так, всё это мне привиделось? Нигде не был и ни чего не приносил? Никакого времени не терял. Настенные часы это подтверждают. Сначала всё запишем. Где мой дневник? Ах! Да. Он в правом ящике стола. Открываю и... два ярких переливающихся бриллианта, буквально ослепляют. Значит всё-таки, что-то произошло? Это не может быть

просто видением! Камни реальны. Их можно взять в руки, поднести к глазам, полюбоваться игрой красок и внутренней чистотой преломляющихся линий. Камни явно из прошлого. Кто или что было в том, ещё не разрушенном замке? Моё физическое тело или дух, образ моего сознания? Кто был более реален, те люди, которые проходили сквозь меня и ничего не замечали, или я, человек, который мог воздействовать на них, толкнуть, ударить, забрать их вещи, а возможно и убить? Как можно лишить жизни человека, который давно умер? Сколько вопросов и ни одного ответа! Мысли продолжали роиться в моей голове пчелиным ульем. Надо бы сходить к тому месту, где когда-то был водопад, если найду спрятанные камни, это станет неопровержимым доказательством моего посещения прошлого. Книгу, на всякий случай, захвачу с собой. В ней ключ ко многим загадкам.

Седьмого числа исполнится 4 года, а чувствую себя пятидесятилетним стариком с проблемным здоровьем. Пошаливает сердце, скачет давление. Волосы отрастают с такой быстротой, что стричься приходится каждый день. Сегодня наступит новый 2005 год. Подвожу итог своей скоротечной жизни. Сколько мне осталось? Год или два? Открываются грандиозные перспективы и колоссальные возможности, а время неумолимо отщипывает остатки жизни. Давно осознал тот факт, что мой прототип, мой двойник, моя первая сущность умерла ещё тогда, в 1987 году, в России, в Новоси-

бирске. А эти пять или шесть лет подарены мне, то ли Богом, то ли Дьяволом. Не то в награду, не то в наказание.

За это время прочитал об этом замке всё, что смог найти. О его прошлом и его истории. Но основное время посвящал функциональным проблемам строения материи и мироздания. Ещё многое оставалось не ясным и не понятным, но кое-что укладывалось в математические формулы, подтверждающие возможность перехода волновых образований в материальное вещество. Не совсем понятен принцип управления передвижением во времени, но и в этом прорисовываются границы предсказуемых реальностей. Фундаментальная работа на годы, а сейчас важно изучить механизм передвижения, а не его теоретическое обоснование. Пусть другие изучают, формулируют, обосновывают, спорят, доказывают, опровергают. Только не я. Хватит! Для меня настало время конкретных экспериментов. Может в этом принцип бессмертия. Если оно вообще существует. Очень интересуется способ воспроизводства и передачи знаний, навыков, а главное памяти, от одних объектов, в другие. Как передаётся накопленный жизненный опыт умершего к вновь родившемуся человеку? В итоге пришел к теории, что информационное поле остаётся стабильным в течение сорока дней, иногда дольше. За это время информация переписывается и где-то хранится, потом передаётся с большим временным разрывом. Возможно, происходит это на более высоком уровне бытия сознания, в полях стабилизирующих и предотвраща-

ющих распад свободных нейронов? А то, что это возможно, уже не вызывает сомнений. По крайней мере, для меня. Вот, существую и помню всё, или почти всё, о своей прошлой жизни. Примеров такого перевоплощения тысячи, документально зарегистрированных. К сожалению, эти знания исчезают к пяти – шести годам развития ребёнка, или прячутся где-то в глубинах сознания, и достать их оттуда сложно, и главное нужно ли? Для меня наступает критический возраст. Пятый год. Разрешу и этот вопрос, если смогу сознательно управлять даром, который во мне проявился.

15 января 2005 года. Пошёл к тому месту, где спрятал драгоценные камни. Внимательно рассматривал скалу. Долго искал нужное мне гнездо. Тайное зрение не помогало. Стоило только, сосредоточиться на спрятанных камнях, как моё сознание оказывалось в комнате, и взгляд упирался в ящик стола, где лежали оставшиеся бриллианты. Надо было взять их с собой. Они как-то связаны друг с другом своей энергетикой. Мысленно приближаюсь к ящику и заглядываю внутрь. Бриллианты дрожат, прижавшись к боковой стенке. Чувствую, как они необходимы сейчас, сию минуту, но возвращаться за ними не хочу. Попробую как-то прикоснуться к ним? Хотя бы мысленно. Что бы усилить действие, достал книгу из сумки, прижал её к груди, закрыл глаза, вытянул руку и стал тянуться к бриллиантам. Всё окружающее перестало существовать. Стою посередине комнаты и тянусь рукой к столу. Трудно понять, где на самом деле на-

хожусь. Около скалы, в лесу, или в комнате. Настолько всё реально. Кончики пальцев касаются деревянной столешницы. Как когда-то, начинаю давить на неё, но ничего не происходит. Рука не проникает сквозь дерево. Тогда пробую тянуть за ручку, ящик медленно выдвигается. В образовавшуюся щель просовываю руку и приближаюсь к бриллиантам. Рука ощущает лёгкое покалывание. Один из них буквально отрывается от дна ящика и прилипает к ладони. Сжимаю кулак и стараюсь успокоиться. Открываю глаза. Та же поляна, деревья, листва колыхается под порывами слабого ветерка. По телу пробегает лёгкая дрожь. Подношу ладонь к лицу и разжимаю пальцы. Бриллиант засверкал на солнце. Чувствую усталость, воодушевление, восхищение, гордость и нарастающее чувство собственного могущества. Что-то во мне изменилось. А может, Мир изменился?

Взглянув своим тайным зрением сквозь бриллиант, свой клад нахожу без труда. Почему-то не в том месте. Достал из тайника тряпичный сверток, развернул и обнаружил только два камня. Самого большого кристалла, с синим отливом, нет. Странно, кто мог забрать один и не взять остальные. беру, что осталось и возвращаюсь домой. Иду не спеша. Начинает одолевать одышка. Приходится останавливаться, что бы перевести дыхание и отдышаться. Годы берут своё. Тяжелым шагом вхожу во двор. В дверях встречает Рафаэль.

– Привет Пьеро, хреново выглядишь!

Слегка смущаясь собственных слов, промолвил Рафаэль.

Конечно, еще год назад разница между нами была почти незаметна. Я махнул рукой.

– Время для меня летит слишком быстро, Раф.

Во двор меня встретить вышла мама. Она подошла, посмотрела в глаза и погладила по голове.

– Тебе плохо? Может позвать доктора?

– Не, не надо. С этим ничего не поделаешь. Все равно никто не знает, почему так происходит и как с этим бороться.

Я повернулся было к двери, но вспомнил о бриллиантах

– Вот возьми, в лесу нашёл! Еще один у меня в комнате, наверху.

Высыпаю в подставленную ладонь три бриллианта и продолжаю путь. По пути, тайным зрением исследую все закоулки замурованного тайника. В подземелье лежат сокровища, которые впервые увидел, провалившись в яму. По сравнению со мной, граф Монте-Кристо просто бедняк. Достать их не составит труда. Вот только, нужно ли? Это большой вопрос.

По вечерам меня обычно не тревожат. Времени на отдых с каждым днем требуется всё больше. Я присел в кресло, чтобы почитать какую-то книгу, но мысли сбивались, читал машинально, особо не вникая. Раздался тихий стук в дверь. Своим тайным зрением увидел за дверью маму.

– Да, входи мам.

Мариани принесла книгу – Летопись замка Скараотти.

– Тебе надо это прочитать.

«В ночь на седьмой день, после венчания наследника благородного Дома Триенто Лозария Триентини и графини Туринской по замку ходило привидение... приведение, внося смуту в сторожевые порядки и конные дозоры. ... на третий день после убийства дона Педро, со свадебного платья графини пропали пять родовых, фамильных бриллиантов, Допрос с пристрастием, послушниц имевших доступ к гардеробу графини, результатов не дал.

Я читал, она сидела рядом, смотрела.

...голову Дона Педро не нашли... так... .. опять приведение пугало слуг и собаксобаки в лесу... ..много приведений в замке... ..перепуганная стража... 10го июня 1752 года начался штурм замка Скараотти. Замок пал и мало кому удалось избежать гибели... ..так, а вот... Описание пропавшего: пять бриллиантов со свадебного платья. Два бриллианта по 12 карат, два бриллианта по 18 карат и один 22 карата, голубоватого окраса».

– Там была еще одна странность, Пьеро. Замок захватили, много людей погибло, что могли, пограбили, но фамильных драгоценностей Лорда Скараотти так и не нашли.... Их, кстати, не нашли до сих пор.

Синьора Мариани открыла черную фетровую коробочку. Там лежали три бриллианта.

– Я правильно поняла, это они?

– Если по-простому, мам, то – да. И у меня в столе четвертый. Но ты пришла не за этим ответом.

– Да, конечно. Всё это очень странно и не понятно. Сердцем понимаю, вы мой сын, и я люблю вас,...

– Мам, не надо на – вы. Может, я и выгляжу стариком, но я по-прежнему твой сын.

– Но вы... ты такой большой и взрослый. И такой умный. Мне становится не по себе, в твоём присутствии. Я не понимаю, что происходит?

– К сожалению, я сам ничего не понимаю. Только предполагаю. Произошло что-то странное. Во время рождения в меня, по-видимому, попала информация от другого человека. А ты веришь в переселение душ?

– Не знаю. Никогда не задумывалась. Наверно нет. И вера наша не предполагает такого.

– Вот и я не знаю. Скажи. Почему в галерее нет портрета моего отца?

– Потому, что ты на самом деле не Скараотти. Правда об этом почти никто не знает. Ты можешь сказать, сколько мне лет?

– Не уверен, может лет двадцать, двадцать два...

– Двадцать пять. Я три года как выпускница художественного университета. Бакалавр искусств, ландшафтный дизайнер. Мои родители, моя бабушка и две сестры, пять лет назад погибли в авиакатастрофе. Они отдыхали на Сардинии, при возвращении их самолёт упал в море. Все погибли. Ни кого не нашли. Даже самолёт. На родовом кладбище их склепы пусты.

– Сожалею, мам...

– Да, ничего уже... много лет прошло. В наследство мне достался этот замок, квартира в Анконе и небольшой обувной завод, который, кстати, обанкротился бы, если б не ты. На третьем курсе у меня случился роман с одним художником. Когда он узнал, про беременность, бросил и улетел во Флоренцию. Больше о нём ничего не слышала. Квартиру пришлось продать и переселиться в замок. Здесь остались только самые верные и преданные люди. Кстати, служанки, потомки тех самых послушниц, о которых написано в летописи. По преданию они являются моими очень дальними родственниками. Я и отношусь к ним по-родственному. Если бы не твоя помощь, пришлось бы распрощаться и с ними, и с замком. А сейчас, благодаря тебе, я богата... мы богаты. Появилась реальная возможность восстановить замок. Можно будет открыть отель или пансионат. Думаю, получится.

– Обязательно получится. Единственный совет и личная просьба. Там у развалин старой часовни, сделай сад с аллеями. Не строй там ничего.

– От чего так?

– Много людей там захоронено. Не стоит беспокоить останки предков. Пусть красивый сад-парк станет для мертвых упокоением их душ, а живым на радость. И да! Рядом же река протекает. Я тут рассчитал, силы её течения и перепада высот должно хватить для функционирования фонтана. Вот чертежи и примерная смета. Просмотри, что можно еще сде-

лать, ты же дизайнер, ... и не затягивай. Мне, по-видимому, осталось не долго, хочу своими глазами увидеть. Да, и часовню можно восстановить, я где-то в библиотеке видел гравюру с её изображением. Денег от продажи бриллиантов должно с лихвой хватить, еще и останется.

– Обязательно сделаю...

Она опустила глаза. Было заметно, как она смутилась и, так и не смогла выговорит – «сын»...

Четыре месяца самообразования, экспериментов, расчетов, и восемь лет потраченной биологической жизни. Разглядываю книгу, перелистываю страницы, и чем пристальнее, тем больше загадочного обнаруживаю. То цвет страниц изменится, то иероглифы появятся, то шрифт, то смысл написанного станет ясным и понятным, то тарабарщина сплошная. С ней происходят внутренние метаморфозы. Как будто она под меня настраивается. Когда вместо знаков стали появляться переключатели, понял, что это не произведение искусств, а прибор, механизм, предназначенный для каких-то вполне определённых действий, замаскированный под нечто понятное и естественное для человека им обладающего. Из детских сказок вспомнил Алладина и его волшебную лампу. Потрёшь, скажешь волшебное слово, и желание исполнится. Кому-то в виде флейты или зеркальца предстанет. Шаману бубном или талисманом. Вещью простой, в глаза не бросающейся. Фантазировать долго можно. Мне в ви-

де книги досталась. У окружающих любопытства не вызывает. Не книга, а навигатор. Большие возможности заложены. До них умом докопаться можно. Пробовал голосом управлять, произносил текст похожий на заклинания, можно мысленно, и даже на расстоянии. Точнее получалось, когда в самой книге настройки произведёшь. Многое ещё узнать предстоит. Само не раскроется. Умом, трудом, экспериментами докопаться можно. Лишь бы время хватило. Старею быстро.

Для проверки своей теории набираю 25 мая 1748 года и пытаюсь повторить путешествие. Книгу с собой беру. В ванну захожу и перед зеркалом встаю. Кристалл на обложке переливается зеленым свечением, Край зеркала озаряется зеленоватым свечением в такт свечения кристалла с книги. Закрываю глаза, сосредотачиваюсь и вхожу в зеркало. Нет грома, нет молний. Всё тихо и спокойно. В начале подумал, ничего не произошло, но, осмотревшись, понял – комната другая. Нет кафеля на стенах, нет джакузи и зеркало не то, хотя и похоже. Прошёл сквозь дверь и в коридор вышел. Да был здесь. Те же портреты, тот же интерьер. Что бы в этом убедиться, нужно точно определить время. Хорошо бы найти оракула, писаря или кого там, кто занимается местной бухгалтерией. Вряд ли найду календари, развешанные по стенам. Скорее всего, это должен быть кто-то из священнослужителей. Попробовал подняться в воздухе – получилось.

По замку спуют слуги, занятые своими делами. Меня они

не замечают, и это очень даже хорошо. Пересекаю несколько комнат, коридоров, и тут я вижу ее – «девицу в окне». Она сидит перед зеркалом, а служанка расчесывает ей её длинные рыжие волосы. Пытаюсь осторожно подобраться к ней. И в момент, когда между нами осталось всего несколько метров, распластываюсь на невидимой и непроницаемой стене. Служанка резко прекратила расчесывать волосы и обернулась в мою сторону, как будто бы что-то почувствовала. Туда же посмотрела и девица. Своим тайным зрением я увидел большой белый, абсолютно непроницаемый шар вокруг девицы. Переключился на нормальное зрение – вижу сидящую девицу со служанкой, но сквозь границу этого шара пройти не могу. Девица что-то сказала служанке и та ушла. Невидимая стена исчезла. Затем девица взяла стоящую у зеркала свечу, потушила и обратной стороной свечи на стекле начала писать. Я подлетел к стеклу и прочитал – «Питер, твориться что-то странное, связь заблокирована». Интересно, кому она это пишет? Мне? Не знакомы мы вроде. А если не мне, то и не должно это меня касаться.

Слегка озадаченным я направился к часовне. Спокойно, не спеша пересекаю двор. Собаки. Вот уж – бестии, что-то чувуют и бегут следом за мной. Проникаю в часовню. В часовне, в маленькой коморке за незаметной занавеской вижу монаха сидящего за столом и пишущего что-то на листах бумаги. Он заканчивает описание украденных бриллиантов, тщательно выводя последние буквы. Стою и размыш-

ляю, как узнать точную дату? Монах полушепотом перечитывает и комментирует написанное. Из его слов понял, что с момента исчезновения драгоценностей прошло два дня. Больше здесь делать нечего.

Монах отвёл взгляд от летописи, поднял глаза и устремил свой взгляд на меня:

– Кто здесь? Спросил он. И потянул руку в мою сторону.

Это было настолько неожиданным, что я дёрнулся и уронил стоявший рядом кувшин. Монах закричал и выбежал из комнаты. Началась суматоха, раздались крики и топот ног. Выглянул в проем двери. К двери бежали вооруженные солдаты. Не стал искушать судьбу и дожидаться развязки. Просто шагнул сквозь стену в монастырский сад.

Стая собак сразу бросилась в мою сторону. По непонятной для меня причине я был полупрозрачный. Похоже, что меня видят не только собаки, но и люди тоже. Люди в саду и во дворе с ужасом реагировали на моё появление и передвижения. Кто-то разбежался в ужасе, кто-то крестился, а кое-кто взялся за вилы и палки. Из караульного помещения по крепостной стене выбежали сразу несколько солдат. Они спускались со стены по лестнице вниз, обнажая мечи. Сквозь меня пролетела пара стрел, стукнулись о камни стены и упали к ногам. Появилась мысль – пора сейчас же убежать. Не мешкая, пересек двор и пролетел сквозь входную дверь.

С улицы в дверь уже тарабанили солдаты. Я переместился в гостиную туда, где было большое зеркало в дорогой позо-

лоченной раме. Оно по краям слегка переливалось зеленоватым светом. Пролетая мимо, в зеркале увидел своё полупрозрачное отражение. Остановился на секунду. В прошлый раз моего отражения не было. Подошел ближе к зеркалу, и моё отражение опять исчезло. Зато мир в зеркале преобразился. Это было уже не отражение, а что-то иное. Дверь в гостиную с грохотом отворилась, и помещение ворвались солдаты. Они бросились ко мне, держа наизготовку пики и мечи. Второй выход тоже оказался перекрыт солдатами. Вот же, как срабатывает стереотипность мышления. Мне же двери не нужны, а я инстинктивно ищу выход. А чем, кстати, зеркало не выход? Я медленно влетаю в него, и оно меня пропускает с прохладной легкостью. Я обернулся и увидел то же самое зеркало, та же комната, но все пустое пыльное. Это явно, какой-то другой, иной Мир. В зеркале видно мое полупрозрачное отражение. По мере приближения к зеркалу, и в нем сначала исчезает моё отражение, а затем проявляются изумленные лица стоящих с той стороны зеркала солдат, которые только что на меня охотились. Нас буквально отделяют, каких-то десятка два три сантиметра. Один из солдат с размаху тыкает в меня пикой, и я инстинктивно отпрыгиваю назад. Поверхность зеркала застывает, и кончик пики остается в стекле между двух миров. Вот этого я не ожидал. Вижу, как зеркало трескается вдоль на две неравные части, а в трещину с противным звуком просачивался светящийся красным, чей-то коготь. Или мне это со страху показалося?

лось. Вскоре кончик пики вместе когтем исчезли. Я отошел от зеркала и увидел два своих отражения. Нет, с меня хватит. На сегодня приключений достаточно, пора возвращаться. Беру в руки книгу... бах! Я опять в современной гостиной, оказываюсь. Одна из служанок по широкой дуге обошла меня и поднялась по лестнице. Похоже, никто меня больше не видел. Возвращаюсь в свою комнату, достаю «Летопись», смотрю, что написано в ней:

«8 числа, июня месяца, лета 1748 от Рождества Христова, в замке объявилось приведение, которое произошло от часовни до гостиной и скрылось в зеркале. Большое количество народа тому свидетели были, видели его и даже преследовали. Остановившись в зеркале, оно скорчило рожу пренебрежительную, богопротивную. Дозорный Иконошани ткнул в него пикой. Приведение испугалось и сгнуло.»

До путешествия, запись была немного иной. Осталась другая проблема, из-за которой и решил посетить прошлое. В «Летописи» отсутствовало несколько страниц, описывающих события предшествующие войне между кланами и штурму замка. Наверно, моё появление не случайно и как-то связано с теми событиями. Может миссия такая – пробелы в истории восполнить! Первые попытки показали, что кратковременными посещениями, прошлого не узнаешь. Следует принять какой-то образ, переместиться, войти в доверие к лорду Скараотти и провести там достаточно много времени, может несколько лет, и вернуться. Как показали

опыты перемещений, пока находишься в прошлом, в настоящем время почти останавливается. Таким образом, и свою жизнь продлить смогу.

Придумал себе легенду странствующего пилигрима-путешественника и стал готовиться к путешествию. Начал с того, что с помощью Мариани и служанок, используя старинные гравюры и рисунки, мне изготовили соответствующий времени костюм. Постирали пару раз с хлоркой и повалили в пыли, для придания поношенного вида. Сшили дорожный мешок, для книги, так как тот, что прихватил у охраны, очень быстро истлел. Но новое путешествие пришлось отложить, что бы провести ещё пару экспериментов. Никто не знал о моих планах, ведь я ни с кем не советоваться. Все вопросы пришлось решать самому. Два месяца сплошных экспериментов. Не было времени записывать.

Книга оказалась значительно сложнее, чем вообще можно было предположить. Это даже не книга. Прибор, который можно сравнить с пультом управления телевизором или более сложным механизмом. Методом «научного тыка» овладел многими функциями. Могу, например, отправиться в прошлое из любой точки, до которой смогу дойти или доехать в автомашине. Возвращение происходит в то же место. Так было и в начале экспериментов. Могу, не выходя из комнаты, мысленно перенестись практически в любую точку на земле, и заглянуть в прошлое. Прихватить, что-нибудь не очень тяжёлое. Зависит от расстояния и от силы соб-

ственного энергетического заряда. При благоприятных условиях, могу принести, примерно, половину собственного веса. Это может быть оригинал чего-либо, а может оказаться и точная копия, на молекулярном уровне. Зависит, от её влияния на развитие истории.

При определённой настройке появляюсь в виде приведения, полупрозрачным, или совершенно не видимым, или видимым, твёрдым, осязаемым, ни чем не отличающимся от окружающих. Вполне материальным. Могу пожимать руки, разговаривать, задавать вопросы и получать ответы. Работать, думать, творить. И всё же, в путешествие я отправляюсь не сам, а мой фантом, иная сущность, ну, или если хотите – живая энергия. Её существование давно известно и она достаточно хорошо была описана в индийских священных писаниях более пяти тысяч лет назад. Называют эту живую энергию «праной». Или в китайских трактатах в районе третьего тысячелетия до н. э. – энергия «ци». А Каббала?! Еврейская мистическая философия, восходящая к шестому веку до н. э., называет этот жизненный принцип – «нефеш» и учит, что тело каждого человека окружает радужный пузырь. Однако в обычных условиях энергетическое поле человека могут увидеть лишь те, кто специально развил эту способность. Иногда люди рождаются с нею, иногда она приходит спонтанно в определенный момент жизни, как это было со мной, а иногда развивается в результате определенной практики – как правило, духовного характера. Я, когда впер-

вые увидел необычное облако света вокруг собственной руки, подумал – дым, и резко дернул рукой вверх, посмотреть, не загорелся ли рукав. Рукав был целехонек, и тут дошло, все мое тело окружает тот самый свет, который излучает тело каждого человека.

Научился подключаться к органам чувств, других людей. Читать их мысли, видеть их глазами, а в исключительных случаях и управлять ими. Не всегда и очень не стабильно, но при соответствующей тренировке, спонтанные движения получались неплохо, что меня даже забавляло. Сколько бы ни пробыл в путешествии, возвращение происходит почти в то же мгновение, из которого отправился. Получается, что тело никуда не исчезает из настоящего и в это время не стареет. Это именно то, что мне нужно.

Недавно отправился назад, в прошлое, всего на несколько минут, библиотеку посетить, вышло время, и образ мой рассыпался и книгу потерял. Очнулся на полу, в своей комнате, потом книгу нашёл. Хорошо, что рядом. В другой раз на пару часов в прошлое отправился, к чёрным скалам, километров за пять, не больше и пешком назад возвращался. Рафаэля встретил, он на фазанов охотился. Поболтали немного, он мне дал подстреленного, чтоб домой отнёс, с тем и разошлись. А удивительно то, что не дошёл до замка, время закончилось, настоящее время наступило, догнал я его, не рассчитал немного. Рассыпался и очнулся у себя. Пошёл книгу искать. Нашёл, и фазана нашёл, но вот Рафаэль, со-

всем не помнил, ни нашей встречи, ни подаренного фазана. Утверждал, что двух добыл, двух и на кухню принёс. Откуда третий взялся?

По возвращении в реальное время, все, с кем встречался и разговаривал, только что, в прошлом, пять минут назад, не помнили моего посещения. Не могу пока дать научного объяснения, но как видно, природа не терпит парадоксов. Не могу встретиться сам с собой и что-либо передать или сообщить, а хотелось бы, кое-что исправить. Не рискую больше рассыпаться, и с близкими по времени расстояниями эксперименты прекратил. Да и книгу боюсь потерять. Без неё, рискую закончить свой земной путь гораздо раньше отведённого мне срока. Интересно, что случится, если там, меня убьют в прошлом? Что станет с моим телом и книгой? А если я убью кого-нибудь?

Кое-что можно проверить. Начал с курицы. Во дворе их много бегает. Поймал одну и пометил её чернилами. Выждал три дня, и вернулся в прошлое, убил помеченную курицу, тушку на кухню отнёс, а голову с меткой с собой забрал. Вернувшись в настоящее время, увидел её во дворе, целой и невредимой. Бегала, с точно такой же меткой, как и та, у меня в комнате. Экспериментировать на собственном теле и подставлять себя под убийство, даже в прошлом, не решился. Слишком много неизвестных составляющих. В прошлой жизни остались белые

пятна, которые хотелось прояснить. Например: что про-

изошло за несколько лет потерянного времени, и как я умер?

Возможно, соединив временную цепочку, смогу разобраться и в самой системе? С книгой-механизмом приобрёл опыт обращения. Научился мысленно настраивать. Своё путешествие в прошлое решил ещё отложить. Очень хотел в своём будущем побывать. В России, в Новосибирске. Увидеть знакомых, родственников. Хоть одним глазком, со стороны.

Со всей тщательностью рассчитал время и место появления в России. За несколько часов до аварии. Увидеть всё своими глазами и только потом делать вывод. Настроился на 1987 год, апрель месяц, число пятнадцатое. Точнее не знал. Сейчас мне примерно 55 лет. Соответствующая одежда, причёска, обувь не должны вызвать каких-либо подозрений. Место для перемещения, редко посещаемое, лес рядом с железнодорожной станцией «Обское море». Перемещение прошло без осложнений. Подошёл к платформе, погулял по лесу вокруг, нашёл пару грибов, подождал подхода электрички и, пристроившись к небольшой группе приезжих, направился в Академгородок. На меня никто внимания не обращал, мало ли грибников по лесам ходит. Подойдя к автобусной остановке, вдруг понял, что не всё продумал. Отсутствие документов меня не волновало, а вот отсутствие денег – проблема, посерьёзней будет! Не могу же перемещаться только пешком. Можно конечно переключиться

на невидимость. Ладно, чай не сахарный, не развалюсь. Городок не очень большой, пешком похожу.

Иду по Морскому проспекту, места знакомые разглядываю. Захожу в кафе «Улыбка». Народу мало, ассортимент скудный. В продовольственном магазине, полки голые. Нищета в глаза бросается. Пошёл к дому, в котором когда-то жил. Коттедж на Золото долинской, рядом. Прохожу мимо «Стола заказов», спец. распределитель продуктов питания. Отсюда продукты доставляли. Профессорам и отдельным учёным, как мне, домой привозили, остальные граждане сами приходили, выкупали. Вот жил и не думал о таких мелочах. Одна наука на уме. А вот и коттедж. Вернее половина маленького двухэтажного домика. Надо же, а тогда казался превеликой роскошью. У ворот «Волга» стоит. Воспоминания нахлынули. Себя вспомнил, жену, детей. Поравнялся с машиной и в этот момент из дома выходит мужчина в бежевом плаще нараспашку, в фетровой шляпе с большим коричневым портфелем. Мужчина быстро пересекает маленький дворик.... До меня вдруг дошло – Да, это же я выхожу, тот прежний. Прятаться поздно, ещё мгновение и мы почти столкнулись. Говорю:

– Здравствуйте Пётр Леонидович!

– Мы знакомы?

– Да! Встречались на одной из конференций. Я профессор, – на мгновение замялся и назвал первую, всплывшую в памяти фамилию профессора кафедры ботаники, – Сима-

ков из Ленинградского педагогического института. Вот, в гости к родственникам приехал, гуляю, а как ваши успехи? Как эксперимент с определением массы уникального «аномалона», так, кажется, называется элементарная частица, над которой вы работаете?

– Не думал, что ботаники интересуются теоретическими изысканиями элементарных частиц.

– Меня, знаете ли, очень интересует новое и уникальное.

– Аномалон в этом отношении не столь уж уникален. Еще в 1930-х годах Паули предположил, что существует частица, не обладающая массой, названная впоследствии нейтрино. А эксперимент только предстоит. Собственно сегодня. Так что, простите, тороплюсь. Рад был познакомиться.

Петр Леонидович, то есть тот прежний я, хотел было приподнять полы шляпы в знак прощания, но внезапный порыв ветра её сорвал с головы, и та оказалась у меня в руках.

– Простите – сконфужено сказал тот я.

– Ничего, ничего. И Вам всего наилучшего... Простите, а еще один вопрос можно? Вы уверены в эксперименте?

Петр Леонидович пронзил меня холодным взглядом и сел в машину и уехал. Я проследил за ней до конца улицы. За тем переключился на невидимость и полетел следом.

Машина едет по почти пустой улице, сворачивает на перекрестке к Институту и останавливается возле парадной лестницы. Из машины, кивнув водителю, выходит Петр Леонидович и быстро поднимается по лестнице. Встречающиеся

коллеги приветствуют его, он им отвечает тем же. Ловлю себя на мысли, что так же здороваюсь со своими бывшими коллегами. Зачем? Наверное, машинально. Решаю сразу же спуститься в зал управления, ныряю в подвальное окно. Окна проходить значительно легче, чем стены. Вот и зал. Наблюдаю за бывшими знакомыми, друзьями, товарищами по работе. Непроизвольно сканирую мысли, и многие из них мне не нравятся. Открываются такие тёмные черты, о которых раньше даже не догадывался. В зал входит Петр Леонидович в белом халате. Все отвлекаются от своих дел и приветствуют Петра Леонидовича.

– Ну-с, друзья мои! У нас всё готово?

Петр Леонидович подходит к пульту оператора и кладет руку на плечо... черт, я даже забыл, как его зовут, этого паренька! А ведь он решил очень важную задачу... и какую задачу? Все в голове смешалось...

– Тогда приступим, нажимай, Сергей Павлович.

Точно! Сергей. Он вдвое моложе меня тогдашнего, но подающий хорошие надежды молодой ученый. Стоп! Что я тут делаю? Я вдруг вспомнил, в момент нажатия кнопки произошел взрыв ускорителя! Надо срочно предотвратить это!

Ничего не предвещало катастрофы. Сергей запустил ускоритель нажатием кнопки «ПУСК». Я рванул за сталесвинцовую дверь в отсек ускорителя, включив своё тайное зрение. На мгновение залюбовался ускорителем, который переливался огнями всех цветов. Вот происходит разгон эле-

ментарных частиц, вот самописцы регистрируют появление частиц амоналона и... что это? Куда это меня тянет? Моя энергетическая оболочка вытягивается и соединяется с энергетическим полем силового кабеля. Короткое замыкание и тут же происходит взрыв ускорителя. Падают железные балки, осколками посекло трансформаторы. Разливается трансформаторное масло и начинается пожар. Блоки компьютерных стоек объаты огнем. Меня с невероятной силой выбрасывает за пределы Института, и я повисаю в воздухе в метрах ста. Моё тайное зрение отключилось. Вид Института со стороны одновременно ужасен и чертовски притягателен. Грибообразное облако черного цвета, похожее на то, как изображают ядерные взрывы, повисло над зданием, возвышаясь метров на двести. Раздался душераздирающий вой пожарной сигнализации. Видны разрушения части крыши. В провале бушует пламя и из него вырывается густой черный дым. Меня поражает страшная мысль о том, что причиной аварии стал я сам. Это моё энергетическое поле вызвало сбой в работе ускорителя и как последствие взрыв. Ныряю в образовавшийся проём. Вижу себя, то есть Пётра Леонидовича, лежащего в комнате, придавленного оборвавшейся трубой. Персонал в панике покидает помещение. Ещё пара минут, и горящее масло захлестнёт его. Помощи ждать неоткуда. Бросаюсь на помощь, но понимаю, что в этом состоянии ничем не смогу помочь. Мысленно переключаюсь на видимость, и тут же закашливаюсь от едкого дыма. С тру-

дом удается отбросить трубу, поднимая Петра Леонидовича и тещу к спасительному выходу. В коридоре уже кто-то помог, вдвоем мы его вынесли.

Передав Петра Леонидовича медикам, я ретируюсь, уйдя в ближайший открытый кабинет. Убеждаюсь, что в кабинете нет никого, переключаюсь в режим невидимости. Замечаю, что зеркало, висящее на стене, блеснуло зеленым едва заметным огоньком. Подхожу, осмотрел внимательно. Так и есть. Зеркало очень старое. Видимо, кто-то из сотрудников, вместо того, чтобы отправить его на дачу или на свалку, принес старое, возможно, фамильное зеркало на работу. Интересно, а сколько таких старинных артефактов можно еще найти по нашим институтам? Отвлек от раздумий пожарный, открывший дверь. Меня, конечно, он не видел. Убедился, что в кабинете нет пострадавших и возгораний, и ушел. Выглядываю следом. По коридору, мимо пробегают пожарные. Все заняты делом. Никакой паники. Что ж, мне здесь больше делать нечего, улетаю из здания.

Устроившись на противоположном здании, наблюдаю за происходящим. «Где-то уже это видел» – подумал я. Видел горевший экспериментальный корпус. Видел машины, пожарных, растаскивающих шланги, людей, выходящих из здания. Слышал крики, треск и шипение остывающего металла. Всё это было, давно, когда-то. Вдруг я почти физически почувствовал присутствие Петра Леонидовича. Такое чувство, что он где-то здесь, совсем рядом. Но ведь этого

не может быть. Его отвезла скорая помощь. Мысленно нахожу его в реанимационном отделении местной больницы, на операционном столе. Подключены искусственные лёгкие и сердце. Бригада врачей колдует над телом. Но я не чувствую его присутствия и не вижу энергетики. Тело привезли, а сущность осталась там, в институте. Начинаю поиск. Первым делом обшариваю объятый огнем зал управления. Нет. Его там нет. В коридорах тоже. Понимаю, его нет в здании. Где? На территории? Но территория огромна, где искать? И главное – как? Переключаюсь на тайное зрение, но первое время это не дает никакого результата. Я уже готов было опустить руку, но тут замечаю свечение между рам противоположного окна. Да это же он! Надо уговорить вернуться в своё тело. Подлетел. Но попытки обратить на себя его внимание, ни к чему не привели. Не могу схватить, не могу толкнуть. Вижу, как понемногу рассыпается его энергетическая оболочка. Лихорадочно пытаюсь придумать хоть что-нибудь. Может, переключиться на полупрозрачность? Стану заметнее и сильнее. Устроившись рядышком, переключаюсь. О, чудо! Его энергетика прилипает ко мне. Так соединившись, устремляемся в больницу, зависаем над телом. Вижу, врачи мысленно готовы отключить и сердце и лёгкие, хотя и продолжают свою работу. Собираю всю волю и силу и вталкиваю энергетическую оболочку в тело Петра Леонидовича, оно вздрагивает и поднимает руку. Врачи с новой энергией принимаются за реанимацию. Получил пару секунд

передышки. Стою, наблюдаю за работой медиков, и тут замечаю, что рядом со мной стоит белёсая полупрозрачная сущность Петра Леонидовича, которая так же как и я, наблюдает на всем происходящим. Ну, это уже слишком!!!

– Это ты что удумал? А ну, давай в тело, сейчас же!

Хватаю его сущность и пытаюсь впихнуть в тело, при этом она пытается вяло сопротивляться.

– Оставьте меня в покое. Вы кто такой?! Я сейчас милицию вызову!

– Милицию!?! Я тебе сейчас дам, милицию! Живи, скотина!!!

Мне почти удалось втолкнуть сущность Петра Леонидовича в тело, когда я услышал слово «Разряд». Медики использовали дефибрилятор. Разряд швырнул меня сквозь стены. По траектории моего полета со стен срывались плакаты и падали разные склянки в медицинских шкафах. Вид я имел после этого весьма потрепанный. Я медленно вернулся в реанимационную палату. Петр Леонидович лежал на кушетке. На экране осциллографа было видно биение его сердца. Врачи боролись за жизнь человека на соседней кушетке. Я повисел немного в воздухе возле Петра Леонидовича и выплыл сквозь стену.

Чувствую крайнюю усталость. Не физическую, скорей, энергетическую, что ли. Видимо и приведениям нужен отдых. Поднимаюсь на чердак этого же здания, забираюсь в самый тёмный угол и пытаюсь расслабиться, успокоить-

ся и восстановить утраченную энергию. Не знаю, сколько прошло, прежде чем почувствовал себя немного лучше. Попробовал воспользоваться тайным зрением, чтобы отыскать профессора. Очень быстро настроился на частоту его биополя и наши мысли соединились. То, что я почувствовал, мне не понравилось. Боль, страдание, не желание кого-либо видеть, да, кстати, ничего и не видел, глаза забинтованы. Повязка. Приятный запах цветов. За стенкой в полголоса разговаривают санитары. Сначала обсуждают футбольный матч, потом больных. Разговор идёт обо мне, точнее о профессоре в котором сейчас нахожусь.

– Не жилец! Нет. Может и протянет ещё пару дней.

– А что ты хочешь? Целые сутки в коме. Легкие почти не работают. Надышался гарью. Вот тебе и пожалуйста.

Со стороны разглядываю персональную палату, на тумбочке цветы полевые, по обе стороны капельницы, на лице маска кислородная. В голове ни одной мысли. Наверно прав санитар. Не выживет профессор. Надо набраться терпения и ждать не вмешиваясь. Значит, после аварии прошел день, (это время провёл на чердаке) да плюс мои сутки. Итого два. Надо ненадолго вернуться в своё время и восстановить силы. Чувство усталости не проходит. Отключаю тайное зрение и снова в тёмном углу. Осматриваю себя и вижу, что свечение моего тела стало вполовину слабее. И только тут вспомнил о книге. Слава Богу... Кстати, а чего это я о Нем вспомнил? Я же атеист до мозга костей... был. В общем,

книга была при мне. Спокойно лежала в сумке. Сколько всего случилось, кажись, потерялась бы и не заметил. Достая книгу, настраиваю на возвращение. Ещё мгновение и в замке, за своим столом, с книгой в руках. Есть хочется, пойду на кухню.

Чем меньше остаётся тёмных пятен в моей биографии, тем яснее становится механизм работы этой удивительной книги. Открываются ячейки в памяти. Значение кабалистических знаков и иероглифов становится понятнее. Почему раньше не замечал таких простых и понятных вещей? Например: что бы изменить свою прозрачность, не обязательно набирать числовой набор из страниц, достаточно повернуть соответствующий рисунок на нужный градус, мысленно. Как-то в комнате, встал перед зеркалом и занялся прозрачностью. Поворачивал рисунок и наблюдал свои изменения. Всё, что находилось в моём энергетическом поле, постепенно теряло очертания и исчезало. В различных стадиях брал предметы со стола, перекладывал, пробовал управлять предметами на расстоянии, в библиотеке, на кухне, в лесу, в подzemелье, у развалин часовни. Принёс из пещеры мешочек золотых монет и ларец с разными драгоценностями, для Мариани. Всё это повторял и в настоящем времени и в прошлом. Однажды зайдя к себе в комнату, отправился в прошлое всего на час. Если из комнаты не выходить и время догонит, ничего страшного не произойдёт. Не рассыплешься и не исчезнешь.

Пятый год моей второй жизни. Встречаю Рождество и День рождения в больничной палате. Инсульт. Серьезный и обширный. Вот до чего эксперименты доводят. Вроде 5 лет исполнилось, а в историю болезни 70 вписали. Наверно так и есть. Говорят, с того света вытащили. Мариани внучкой назвалась, каждый день приезжает. Обнадёжили, кризис прошёл. Скоро выпишут. Лежу без книги, конечно, но уже многое и без неё могу. Вот бумагу из ординаторской утащил, а у врача ручку шариковую и всё, не вставая с постели. Что-то совсем расклеился, а главного ещё не узнал. Не смыкается цепочка причинно-следственной связи. Лежу и размышляю: «Как сокровища Лорда Скараотти в пещеру попали?» Не знал он о её существовании. Сокровища в подвалах замка хранил. В летописи сказано, что разбойники после штурма, ничего не нашли. Пещера эта не имеет выхода на поверхность. В «Летописи» эти страницы отсутствуют. Самому узнать надо. Наверно хватит путешествие к Скараотти откладывать. Вот только выясню, если здоровье позволит, что со мной, после похорон профессора, произошло... и сразу к Скараотти.

Вернулся в Замок больным, чувствую, не хватит здоровья в Россию слетать. Сначала с замком разберусь, а там видно будет. Привык к этой жизни и прежняя, на второй план отошла, вспоминать не хочется, не волнует. Да и эта тяготить стала. Вот допишу страничку и спрячу дневник в пе-

щеру, надёжнее места не найти. Чувствую, последнее путешествие предпринимаю. Достаю одежду пилигрима, примеряю, одеваюсь. Сапоги жмут. Ноги опухать стали. Сбросил их и кроссовки надел. Дату и координаты по книге настроил, надёжнее – 13 апреля 1752 года. До штурма около месяца, полтора, если ничего не изменится. Проверяю, настраиваюсь на полянку возле водопада, и старт! Мгновенье и перед лицом рыба плавает и не одна. Здоровенная форель проплыла через грудь и спряталась в водорослях. Так точно настроил координаты, что очутился на дне озера. Воды не чувствовал, но знал, что ощущения придут, как только переключусь на видимость. Стал выбирать. Перелетел на полянку, переключился на видимость, осмотрелся. Вроде в порядке всё. Теперь в таком виде существовать буду. Долго. Пощупал себя, ничего не болит, сила в руках имеется. На здоровье не жалею. Даже радостно стало! Что сейчас, вечер или раннее утро? Подожду с полчасика, солнышко подскажет. А пока проверю бриллианты. В своём будущем их забрал, но здесь они должны быть.

Проверил, нет их на месте. Ни здесь, ни в другой расселине. Понял, что я в этом времени их еще сюда не положил. Выждал ещё пару часов, солнышко над лесом поднялось. Пора. Вышел на дорогу и направился к замку. Теперь про полёты забыть надо. Включил тайное зрение, в пещеру заглянул. Пустая. Нет никаких сокровищ, и входа нет. Мысленно подвалы осмотрел. Они всевозможным скарбом заполнены,

драгоценностями, золотыми изделиями, медной и железной утварью, оружием, мехами и нежной тканью. Если не вмешаюсь и не уговорю Лорда перенести сокровища, через совсем непродолжительное время их разграбят. История измениться. И не знаю почему, а мне всё кажется, что не должно быть так. Кроссворд должен сойтись. Может и для этого, мне вторая жизнь подарена. Терять уже нечего, вмешаться я должен! На дороге люди встречаться стали, и пешие и конные и в повозках. Воины и женщины мимо проходят, удивлённо поглядывают. Наверно, с костюмом что-то перемудрил. Подхожу к воротам и направляюсь к стражникам. Агрессивности не проявляют, но глаза у них из орбит, если так можно сказать, повылазили. Обращаюсь к одному:

– Доложи лорду Скараотти Винченсо, его желает видеть путешественник Пьеро Мариани, с важными сведениями.

Стражники стали совещаться, и тут я понял, как сильно их язык, от моего отличается. Один из охранников ушёл, остальные с любопытством разглядывали. Минут через пять вернулся и жестом пригласил следовать за ним. Вошли в знакомое мне помещение. В гостиной зеркало еще не треснутое. Вскоре вошел лорд Винченсо Скараотти. На вид – пожилой человек, не такой гладкий и респектабельный, как на портрете, но узнать можно. На самом деле ему едва исполнилось пятьдесят. Он не высказал и грамма удивления. Его холодные, не мигающие глаза, некоторое время разглядывали одежду и несколько дольше задержались на кроссовках. Же-

стом предложил громоздкое деревянное кресло, напротив, и произнёс:

– Кто ты?

– Путешественник, странник, предсказатель, оракул. Мое имя Пьеро М..

– Что тебе нужно, Пьеро Эм?

– Мне ничего. Это нужно тебе. Звёзды предсказывают серьёзные испытания. Я обязан предупредить, что бы дать возможность подготовиться к ним и достойно противостоять.

– И что предсказывают звёзды?

– Войну. И очень скоро. Она начнётся штурмом замка утром, примерно через три недели. В штурме будут участвовать команды двух кораблей, что сейчас швартуются в порту Аренцано. Это наёмники. Отряд лесных разбойников и почти половина войск Триенто. Общая численностью будет около 1000 человек. Они хорошо вооружены, преисполнены яростью и жадой наживы. Им обещали заплатить золотом.

– Ты врёшь оракул! Я знаю почти обо всех, о которых ты говоришь. Одни верны мне и не посмеют предать своего хозяина. Другие – сброд. А наследник правителя Триенто мой племянник, сын моей сестры. Он гостит сейчас у меня. Я тебе не верю, оракул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.